

# СМЕНА

№ 24 (1382) ДЕКАБРЬ 1984



*«...достигнув снежного зенита,  
Наш флаг  
над полюсом колеблется, крылат,  
И обозначены углом теодолита  
Восход луны  
и солнечный закат».*

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ  
Из стихотворения «Седов».

**ЖУРНАЛ  
ГЛАЗАМИ  
ЧИТАТЕЛЕЙ.**

**Итоги  
дискуссии  
о нравственности.**

**О ПЕСНЕ  
СО ВСЕЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ.**

# МАСТЕРСТВО, ДЕРЗАНИЕ, ДОБЛЕСТЬ

Никого из нас не оставит равнодушным вопрос: как мы будем жить завтра? Вопрос и трудный и простой. Трудный, потому что совсем нелегко заглянуть даже в ближайшее будущее. Простой, потому что на него есть четкий и ясный ответ:

жить будем так, как работаем сегодня.

А сегодня мы завершаем четвертый год пятилетки.

От его результатов в немалой степени будут зависеть результаты и будущего года, и пятилетки в целом. Вот почему мы оцениваем свою работу в этом году строго и объективно. Помня, какое беспокойное время переживает сейчас планета. Понимая, что добросовестная работа каждого из нас сегодня — это и работа на мир. Потому и выполнение государственного плана должно быть для всех нас не просто обязанностью — патриотическим и интернациональным долгом.

Мы немалого добились в истекшем году.

Нарастают темпы практически все отрасли промышленности и сельского хозяйства. На год раньше срока уложено последнее звено Байкало-Амурской магистрали, дороги, которую справедливо называют комсомольской. Успешно развивается отечественная газовая индустрия, одна из ведущих и высокоэффективных отраслей топливно-энергетического комплекса страны.

Сейчас с применением газа производится: 92 процента стали,

93 процента чугуна, 60 процентов цемента,

30 процентов электроэнергии всех электростанций

и практически весь объем минеральных удобрений.

Сетевым и сжиженным газом пользуются в быту

215 миллионов советских людей.

Решающий вклад в развитие отрасли вносят газовики Тюменской области, крупнейшей ударной комсомольской стройки. В декабре они выходят на рекордный рубеж суточной добычи газа.

Этому событию посвящена Всесоюзная

Почетная интернациональная вахта.

В истекшем году мы особое внимание обращали на соответствие слова делу, на выполнение принятых обязательств. Потому что только дело раскрывает, какими усилиями ума, совести, воли рождаются высокие обязательства. Какие человеческие и гражданские чувства вложены в них.

Одним из первых, кто поддержал инициативу повысить сверх плана производительность труда на 1 процент и снизить себестоимость продукции на 0,5 процента, был коллектив Московского завода автоматических линий имени 50-летия СССР.

В начале нынешнего года «Смена» писала о высоких обязательствах заводчан. Эти обязательства почти вдвое перевыполнены! Вот стиль работы, требуемый сегодня. Не успокаиваться достигнутым.

Видеть за цифрами и процентами реальную продукцию. Развивать и укреплять все лучшее. Подводить итоги — значит нацеливать себя на новые большие дела, думать о завтрашнем дне, о подготовке смены, на плечи которой вскоре лягут все заботы нашего государства.

Для Ленинского комсомола, для всей молодежи страны год уходящий будет памятен особо.

Ведь это был год принятия программного для всех нас документа — постановления ЦК КПСС

«О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи». Оно требует поиска новых форм и методов работы с молодежью, особого, внимательного отношения к воспитанию подрастающего поколения.

Каким же он будет, год 1985-й? Мы верим, что будет он мирным. Принесет новые радости, новые победы, новые успехи в труде. Это будет год 40-летия Победы, год подготовки к XXVII съезду КПСС, год Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Большие планы на будущий год у комсомола.

«Мы уверены, что вклад Ленинского комсомола

в развитие страны будет расти, умножаться,—

отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС

товарищ Константин Устинович Черненко.—

Скажу больше: составляя планы на ближайшую пятилетку и вплоть до следующего века, мы в значительной мере рассчитываем именно на мастерство рук, на дерзание мысли, на трудовую доблесть нынешней молодежи».

# СПЛОТЧЕ ДЕЛОМ

Георгий СУШКО

## ПАМЯТНИК У ДОРОГИ

Операция «Памятник» была проведена в ночь с одиннадцатого на двенадцатое февраля. Погода выдалась морозная, и ярко светили звезды с высокого неба, и успокоился ветер, гнавший с вечера поземку. Автострада будто отдыхала от дневных забот, редкие автомобили проносились мимо и исчезали в зимней ночи. Их пассажиры мало обращали внимания на десяток скреперов и бульдозеров, на холм земли у дороги. Раз работают, значит, так и надо — стройка есть стройка.

— Ну что, Камбулатыч, загоняем?  
— Погоди-ка. Посмотрим, как со стороны видится.

Наурбиев отошел к обочине дороги, оглядел только что отсыпанный курган, лег на дорогу и с этой точки оглядел его еще раз. Что-то не нравилось бригадиру, а что — он и сам еще не мог объяснить себе. Наурбиев поднялся, отряхнул снег с куртки, отошел метров на двадцать вправо: «Нет, не то!»

— Знаете что? Давайте мы передвинем этот холм чуть вглубь и поставим не вдоль дороги, а немножко под углом.

Механизаторы разошлись по машинам. Снова взревели моторы, разрывая звонкую и морозную тишину, и все началось сначала.

Скреперы, бульдозеры сдвинули курган в сторону, на то место, которое показал бригадир. Время подходило к четверем, но было еще далеко до февральского рассвета.

— Вот теперь порядок! — удовлетворился Наурбиев. — Загоняем!

Желтого цвета скрепер взревел, развернулся, медленно вполз на холм и там заглушил свой мотор навсегда. Следом за ним забрался бульдозер, пристроился за скрепером, и тоже замолчал его двигатель.

Снова установилась тишина, и фары других бульдозеров и скреперов освещали холм и двух своих собратьев на нем. А на высоком древке реяло огромное алое полотнище, было слышно, как оно трепещет на ветру.

Наутро горожане увидели: на белом-белом поле черный курган, и на нем желтые скрепер с бульдозером и красный гордый флаг. На склоне надпись: «Слава первостроителям КамАЗа!»

И пошли разговоры: «Наурбиевцы себе памятник поставили!»

Да. Поставили. Только меньше всего думали они в ту февральскую ночь о себе. Это памятник тем, кто первым пришел на стройку, памятник юному городу, памятник молодости — первопроходцам.

Помню семьдесят третий год, когда я только что приехал в Набережные Челны. Помню, увидел скрепер с надписью над лобовым стеклом: «Мы — первопроходцы!». И надо же такому случиться, что именно этот скрепер и стал памятником! Когда я об этом узнал, стало радостно, как будто старого друга встретил.

Этот неожиданный памятник, не предусмотренный никакими проектами, — тем, кто начинал эту стройку с нуля. Они имеют на это право...

## «ПРОШУ УВОЛИТЬ...»

Найти на дороге подкову — к счастью и удаче. Но попробуй сыщи на асфальтовых дорогах КамАЗа подкову: дети, рожденные в этом городе, поди, и лошади то живой ни разу не видели, откуда ж



# ЖНОСТЬ

**В БРИГАДЕ—90 ЧЕЛОВЕК.  
ВПЕРВЫЕ СОЗДАН  
СТОЛЬ КРУПНЫЙ  
МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ  
КОМПЛЕКС  
В СТРОИТЕЛЬСТВЕ.  
ЧТО ЭТО ДАЕТ  
ЧЕЛОВЕКУ И ПРОИЗВОДСТВУ?  
ЧЕМ СИЛЬНА  
ТАКАЯ БРИГАДА?  
КАК  
СКЛАДЫВАЮТСЯ  
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ  
ЛЮДЕЙ,  
МИКРОКЛИМАТ  
В КОЛЛЕКТИВЕ?**



тут взяться подкове? А вот наурбиевцы нашли. Случайность? Но ведь приятная же случайность! На стене своей бытовки они и прибили этот символ удачи, выкрасив старую подкову в красный цвет.

В их бытовке можно и пообщаться—здесь всегда угостят гостя крепким и вкусным чаем; здесь можно спокойно потолковать друг с другом или посмотреть телевизор. В свободное, разумееется, от работы время.

Сюда приводят новичков и знакомят их с историей комсомольско-молодежной бригады. А история эта богата на факты! Семидесятый год—начало работ на водозаборе и базе стройиндустрии, семьдесят первый—ремонтно-инструментальный завод и автосборочный, семьдесят второй—земляные работы в Новом городе, семьдесят третий—строительство литейного завода и ТЭЦ. Нет такого объекта в городе, где бы не работали скреперисты Наурбиева—кузнечный и прессово-рамный, аэропорт Бегшево и Нижне-Камская гидроэлектростанция, колесный завод в Заинске и завод двигателей... Об этом, о людях бригады, об успехах и проблемах—обо всем узнаешь тут.

С прорабом Дмитрием Тимановым мы проехали вокруг заводов, вспоминая первые годы, когда только разворачивалась и набирала силу стройка. Рядом с заводом двигателей был огромный холм. Сняли его скреперисты—будто выгладили площадку, кто теперь подумает, что тут холм этот был!

— А вот здесь мы и тонули! Дожди, грязь, машины вязнут, буксуют... Только из одной ямы выберешься—в другую садишься. Пока буксир заведешь, нервы все истреплешь. А колесо менять?.. Нет, про то даже вспоминать жутко!—Но сам Тиманов ведь улыбается, рассказывая...—Прокол чувствуешь сразу. А как в грязь ту прыгать не хочется, если б кто знал! Хорошо, что ребята рядом, тоже из своих теплых кабин—под дождь. Одно колесо втятером меняем, все мокрые до последней нитки, в грязи—лиц не увидеть. По два часа копались. И никуда не денешься—надо! Это уже потом научились мы колесо за полчаса менять...

Как-то на вечер передовиков ведущий задал Дмитрию вопрос:

— Что вам наиболее памятно на КамАЗе?

— Памятно? Тут ведь что ни день—то память. Впрочем... Мы до-

срочно выполнили девятую пятилетку—первую пятилетку КамАЗа, и тогда же родилась моя первая камазонка—Иришка. А после второй камазовской пятилетки, когда мы получили на вечное хранение знамя, в семье у нас родилась вторая камазонка, а первая пошла в первый класс.

Зал улыбался.

До семьдесят первого года жил Тиманов в одной из станиц Ростовской области, работал в колхозном гараже. Друг Димы Николай Барсуков уехал как раз в то время на стройку и прислал письмо, в которое вложил газетную вырезку о КамАЗе...

И так получилось, что за пару дней молодая семья Тимановых—три месяца-то всего и женаты—собрала свои вещи, в два чемодана все и вместились, и приехала сюда, в этот город.

Начал Дима шофером, потом выучился на скрепериста, перешел в бригаду механизаторов. Работали они тогда на строительстве термогальванического корпуса—рыли котлован. И хотя старались, выкладывались до упора, а вот не заладилось что-то—и хоть тресни. Бригадирь один за другим меняются, а результатов никаких. О заработках и говорить нечего.

Как-то в дождливый октябрьский день собрались всей бригадой в тесной, забрызганной грязью и мазутом железной будке, которая именовалась бытовкой. Настроение сникшее, да и с чего веселиться, коль накануне, в день полочки, их соседи наурбиевцы, работая на таких же машинах, с тем же самым грунтом, получили из той же кассы, что и они, по шестьсот—семьсот рублей зарплаты, а у них едва-едва по тридцать—сорок натягивалось. В тот день пятнадцать человек из бригады подали заявления на расчет.

— Вернись-ка я в свой колхоз, сяду за баранку «зилка». Рублей триста всегда накатаю, верно, Дима?—толкнул Тиманова Серега Бальбердин. Сереге хорошо. Он холостой.

— А я к Альчикову пойду, на стройку. Они бетон швыряют, а заработки куда больше наших,—сказал Сережа Толстых.—Надоело мне с этим динозавром возиться.

Вот тут-то и пришел Наурбиев.

— Что приуныли, а?

— А ты, Камбулатович, веселился бы на нашем месте?

— Веселиться не с чего, это верно. Помолчал.—А как вы посмотрите, парни, если я вашу бригаду возьму?—В свою, что ли, влить хочешь? Объединить?

— Нет. Моя сама по себе останется. А я у вас бригадиром буду. Что скажете?

— А не боишься, Умат Камбулатович?—спросил тогда Тиманов.—Мы ведь в передовиках не ходим.

— Боюсь—не боюсь, а что-то делать надо. И если вы мне поможете...

Вот так в ту серую осень и пришел Наурбиев в эту бригаду. Те, что подали заявления об уходе, забрали их назад. И только Толстых

Фото  
Владимира  
ВАСИЛЬЕВА

с Балыбердиным не поверили. Ушли. Первое, что сделал новый бригадир,—создал партийную и комсомольскую группы. Тиманова выбрали комсоргом.

## ЭТИ СТРАННЫЕ РВАЧИ

Наурбиевцы первыми перешли на бригадный подряд. Это было время создания новой организационно-технологической структуры производства земляных работ — механизированных комплексов. Инженеры изучили все виды работ и земляных сооружений — а ведь их более двух с половиной тысяч! Оказалось, что все их можно свести в тридцать восемь технологических групп. Для выполнения работ по этим группам разработано двенадцать видов механизированных комплексов.

В комсомольско-молодежном автоскреперном механизированном комплексе Наурбиева трудятся сегодня тридцать человек. В их распоряжении тридцать один скрепер, двенадцать бульдозеров, автогрейдер и рыхлитель «Комацу». Ежемесячно комплекс обрабатывает двести пятьдесят—двести шестьдесят тысяч кубометров грунта. Надо сказать, что верхний плодородный слой чернозема, который был снят скреперами — а это ни много ни мало 9404 тысячи кубометров,—сохранен и теперь используется для рекультивации и благоустройства территории города, вывозится на поля окрестных колхозов.

— Кто отвечает за всю эту землю? — спрашивает скреперист Володя Чугунов.— Конечно, мы. Ведь мы не только хозяева данного объекта — мы хозяева земли!

Один мой знакомый бригадир, узнав, что я интересуюсь бригадой Наурбиева, сказал:

— Наурбиевцы — асы! Дело знают и работают чисто и красиво. Но все же рвачи.

Встанем-ка на точку зрения этого бригадира. Комплекс Наурбиева работает сразу на нескольких объектах: строительство картонно-бумажного комбината и атомной электростанции, работы на заводе по ремонту двигателей и на заводе транспортного электрооборудования. И случись где какая задержка, Наурбиев сам вправе перебросить свои механизмы с одного объекта на другой, где-то усилить напор, в другом месте, наоборот, ослабить, снять несколько скреперов, которые можно будет использовать в полную мощь на новом объекте. Маневренный, одним словом, комплекс. И простой в данном случае действительно исключаются: всегда, в любой момент можно найти занятие. А коль есть дело, то есть и заработки. А поскольку наурбиевцы работают, порою не считаясь со временем, то и пошла такая слава: за рублем гонятся. Если так, то рвачи и есть, как по-иному?

А эти «рвачи» в свободное от работы время завезли несколько тысяч кубометров чернозема на дачные участки, выделенные ветеранам Великой Отечественной. Они же бесплатно отработали на благоустройстве территории будущей зоны отдыха возле набережной Тукая. Памятник первостроителям они, кстати, тоже ставили во вчерашнее время. Рекультивировали двадцать два гектара возле завода двигателей — эта территория отдана заводчанам.

Директор завода двигателей, узнав, что Наурбиев завез чернозем и спланировал эти гектары, вызвал к себе одного из замов.

— Вы сколько заплатили Наурбиеву? — Нисколько.

Не поверил директор. Вызвал начальника отдела вертикальной планировки:

— Вы рассчитывались с Наурбиевым за эту территорию?

— Нет, они все сделали бесплатно.

А они действительно завезли чернозем в свободное время, отработали, кстати, на сэкономленном топливе и не взяли за это ни копейки.

Какие-то странные «рвачи», эти наурбиевцы. Где он, тот знакомый мой бригадир? Что он про такое скажет?

## ГЛОТОК ВОДЫ ДЛЯ СКРЕПЕРА

...Раскаленный, знойный воздух и густое облако пыли — таким запомнилось то лето, когда бригада работала на расширении взлетной полосы в аэропорту Бегешево. Мощные скреперы, издали напоминавшие огромных доисторических животных, лениво, словно бы нехотя, ползали в этом пыльном мареве. Где-то запропала в жару водовозка. И когда она подойдет, кто его знает! А в радиаторе уже закипает вода. И скреперист Александр Григоровский не выдержал. Последнее ведро чистой питьевой воды вылил в радиатор... Можно было остановить работу и где-нибудь в тени дожидаться затерявшуюся водовозку — никто бы не упрекнул. Можно было, конечно...

Как-то одна из бригад автоскреперистов, с которыми наурбиевцы соревновались, предложила: нельзя ли объединиться, войти в состав наурбиевского коллектива?

Наурбиев ответил:

— Думаю, что это пока преждевременно. Мне не по плечу еще руководство таким большим коллективом. А вот помочь вам, если хотите, поможем.

И помогли. Освобождается, скажем, бульдозер у Наурбиева — он его к соседям. Не нужен сегодня ДЭТ-250, рыхлитель, — опять же к ним. Но при этом расходы за эксплуатацию механизмов комплекс Наурбиева целиком брал на себя. И положение у соседей выправилось. А можно было бы просто отмахнуться: у нас свои дела, свои заботы, а вы выкручивайтесь сами. Но в том и дело, что бригада теперь считает так: коль мы хозяева стройки, то будем же по-хозяйски и относиться ко всему. А что касается соревнования между бригадами, то оно перестало быть формальной игрой в показатели (у нас лучше, у вас хуже), а стало формой совершенствования работы каждого отдела и всех сообща. Опять же это результат заинтересованного, хозяйского подхода к проблеме.

— Умат Камбулатович, — спросил я Наурбиева, — вы помогли своим коллегам техникой, поддержали их в трудную минуту. Слышал, что вы не держите в секрете свои достижения, опыт...

— Опыт нашего комплекса — не наше личное богатство. Вся страна помогала строить КамАЗ, и наш опыт — это в конечном итоге результат той самой помощи. Держать его под замком, ни с кем не делиться мы просто не имеем права — так считает вся бригада. Мне пришлось побывать на многих стройках. На Украине, в Нефтеюганске, Ульяновске, Смоленске, на Кулундинском канале. На всех этих стройках много приходится начинать с азов, повторяя иногда те же самые ошибки, вновь и вновь изобретая колесо. Распространение передового опыта организовано крайне плохо, конкретные меры в этом направлении, считаю, необходимы. И наш опыт, в частности, тоже пригодится...

Пока шел наш разговор за стаканом чая, дверь в бытовку почти не закрывалась. Забежал Володя Евлатов, помялся смущенно:

— Ко мне, Умат Камбулатович... Ну, невеста, одним словом, приехала! Хотели бы заявление сегодня подать... Не могли бы вы пораньше меня отпустить? То, что от меня зависело, я все сделал...

— Я видел, Володя. Молодец! Иди, иди!

Заходили люди, подсаживались, наливали чаю себе, включались в разговор. Между делом решались производственные вопросы: насчет горючесмазочных материалов, автокрана, запасных частей. Никого не торопил Наурбиев, — мол, у тебя работа, не задерживайся тут. Он знал: эти десять—пятнадцать минут, которые человек проведет здесь за стаканом чая, он компенсирует с лихвою, они, эти минуты, не потеряны — счет времени ведется строгой.

Зашел отогреться Евгений Беляев — обветренное и красноватое от мороза лицо и совершенно седые волосы, хотя и лет еще не так много. Это один из опытейших работников: он вулканизаторщик и слесарь, скреперист и механик — универсал, одним словом. Следом за ним забежал Виталий Иванов, медник — в любой день и в любую погоду он всегда обеспечивает выход техники на линию. Стакан чая, сигарета, и снова работа.

## ХАРАКТЕРЫ

На следующий день мы с Наурбиевым ехали на строительство Татарской атомной электростанции. Там, на месте деревни Камские Поляны, растет новый город, который будет называться так же.

По дороге Наурбиев рассказывал о своей бригаде, о себе.

— Умат Камбулатович, девяносто человек — большой коллектив. Разный возраст, разные характеры, интересы — не может быть так, чтобы все жили чем-то одним, пусть даже необходимыми...

— Срывы бывают и у нас. Но тот микроклимат, который нам удалось создать в бригаде, позволяет говорить с человеком откровенно, остеречь его от дальнейших нежелательных поступков. Вот есть у нас один парень, Алексеем зовут. Всем он хорош, и парень честный, и работает неплохо, а вот была у него слабость к вину. Не сказать, чтобы он особо злоупотреблял этим, но... Бывали, короче, у него такие дни. Выгонять-то жалко — трудяга каких поискать! Долго мы с ним возились, а все, вижу, впустую. Как-то приходит в бригаду Семик, крепкий такой мужик, мы два месяца назад его на пенсию проводили, но решил он вернуться. «Какую машину, — спрашивает, — дашь?» Отвечаю ему: «Машину дам самую плохую. Отремонтируешь ты ее в два счета, я знаю, но дело не в этом. Мне нужно, чтобы ты человека выгнал. С Алексеем напарниками будете». Прошло какое-то время, смотрю, уже не тот Алексей. Дай-ка, думаю, звеньевым его поставим. Обсудили на совете бригады, утвердили — и пошло дело.

Другой случай. У нас много молодых в бригаде. И мы всегда стараемся идти им навстречу, стараемся поддержать. Есть у нас такой Замиль Набиуллин. Доверили мы ему новую машину. Заработок у него, естественно, подскочил. Парень молодой, холостой, зачастил в ресторан. Однажды узнаем: драку устроил, в милицию попал. На совете бригады сказали ему: нет, друг, так дело не пойдет! Рано тебе, выдать, такие деньги получить, раз распорядиться ими не можешь и нас еще при этом позоришь. Переходика на старую машину и работай на ней. И времени на ресторан у тебя, глядишь, не будет, потому как ее ремонтировать нужно. Обида, конечно, в нем разыгралась, но крепкий парень оказался. Толк из него будет.

— Умат Камбулатович, а бывает так, чтобы мнение совета бригады расходилось с мнением бригадира?

— Бывает. Но на то и совет бригады, чтобы принимать коллегиальные решения. И если какие расхождения у меня с советом бывают, мы стараемся найти компромисс. Меня ведь... — Наурбиев замаялся малость, но все же, видимо, решил договориться. — Меня тоже как-то обсуждали...

— Это за что же?

— Не выдержал однажды, вспылит, человека ни за что обругал. А он совсем не виноват оказался. Вызвали меня на совет, поговорили... С тех пор стараюсь понапрасну не горячиться.

— Я так думаю, — сказал чуть погодя Наурбиев, — если коллектив может указать бригадиру на его ошибки, а тот найдет в себе силы признать правильность замечаний, то это сильный и здоровый коллектив. Хотя, когда меня обсуждали, чуть было на дыбы не встал.

Хорошо, что вовремя понял: а ведь они правы!..

— Вспоминаю и эпизод семилетней давности, — продолжал бригадир. — Во время спуска по откосу неожиданно развернуло скрепер Рафаэля Сайфуллина, и он встал. Шедший следом за ним Геннадий Мордяшов вынужден был резко вывернуть в сторону. Из-за резкого перекоса радиатор на скрепере Мордяшова дал течь. Мордяшов, человек решительный и темпераментный, выскочил из кабины и с руганью налетел на Сайфуллина. За десять—пятнадцать минут машины растащили, но нервное напряжение не спало. На совете бригады досталось обоим. Рафаэль с Геннадием выслушали все, что говорили им члены совета, а приятно, надо заметить, в этих словах было мало, и подали друг другу руки. А потом, не сговариваясь, дружно обрушились на бригадира, чтобы тот наконец-то решил вопрос о поставке гидравлических насосов, которые давно уже износились и не создавали необходимого давления в системе.

Но не хотелось бы, чтобы кое-кто подумал, будто совет бригады только и делает, что разбирает нарушения дисциплины. Совсем нет! Он и поощряет лучших механизаторов. Герману Теплых был выделен за ударный труд автомобиль «Жигули». Михаилу Морозову за отличную работу дали ордер на двухкомнатную квартиру. Наурбиев получил подписное издание Пушкина.

В состав совета бригады входят пятнадцать человек. Это те люди, которые своим трудом заслужили беспрекословный авторитет среди товарищей, их справедливому и откровенному слову верят. Возглавляет совет бывший фронтвик, орденосец Гаяз Гатинович Ибрагимов. Мне запомнилось, что сказал о своем совете один из механизаторов: комплекс — это кулак, и совет бригады — мышца, которая этот кулак сжимает.

Камские Поляны недалеко от города, поэтому и решили наурбиевцы работать вахтовым методом: неделю работают и живут здесь, потом их сменяет другое звено бригады.

Чистое, открытое настежь всем ветрам поле, морозный воздух, легкая поземка и блеклое зимнее небо — такую нас встретила новая стройка. Скреперистам Наурбиева предстоит сделать здесь срезку растительного слоя, провести работы по устройству насыпи и полотна дороги. Тут же, по соседству с наурбиевцами, трудится бригада скреперистов Алексея Зверева. Недавно организованный, еще молодой во всех отношениях коллектив невозможно да пока и незачем даже сопоставлять с наурбиевским — нет еще опыта, спорности, своей производственной базы, как у Наурбиева, да и по количеству механизмов — семь скреперов и четыре бульдозера — они далеко отстают от мощного, мобильного комплекса. Но за сравнительно короткий период ребята Зверева уже успели произвести вертикальную планировку нижней площадки АЭС, закончить земляные работы на котельной, подготовить площадку под основание бетонного завода. Кто знает, может быть, скоро заговорят и об этой бригаде, и будет она не хуже наурбиевской? Рядом ведь работают, далеко за опытом ходить не надо.

На долгий рабочий день скреперист остается в тесной кабине один на один с огромной машиной.

— В эти минуты я как бы сливаюсь со скрепером воедино. Я слышу мою машину, чувствую ее, — так рассказывает о своей работе Володя Чугунов, — как бы говорю ей: ну, давай, родная! Выскочим! Давай, милая, не подведи! И когда я чувствую: она мне повинуется — это необыкновенное чувство...

«Время молодых наступает, — так говорит Наурбиев. — За дело я спокоен — руки у них надежные, головы в порядке. Ну и потом, наша красная подкова теперь им будет приносить удачу».

## ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Не по всякому тревожному письму читателей редакция посылает на место своего корреспондента. Но ни один читательский сигнал о неполадках не остается без внимания со стороны журнала. По каждому письму, требующему вмешательства, принимаются меры.

Редакцию встревожило коллективное письмо, в котором сообщалось о беспорядках в работе пионерского лагеря «Костер» Калининского механического завода объединения «Калининмашдеталь». Письмо мы направили в Калининский областной комитет народного контроля. Ответ подтвердил справедливость жалобы читателей:

*«Действительно, отдых детей в первую смену организован был плохо. Более того, проверка выявила в коллективе обслуживающего персонала пионерского лагеря факты нарушения трудовой дисциплины, злоупотребления служебным положением.»*

Администрация завода, партийное бюро и профсоюзный комитет приняли меры, навели порядок в работе лагеря. За неудовлетворительное руководство и допущенные нарушения начальник пионерского лагеря «Костер» В. И. Бутакова освобождена от занимаемой должности. За использование служебного положения в корыстных целях уволены с работы экспедитор Г. И. Козина и шеф-повар Г. А. Парфенов.

Профком завода и обком профсоюза рабочих машиностроения и приборостроения установили в дальнейшем за работой пионерского лагеря строгий контроль. Например, была проведена финансовая ревизия облсовпрофа. Жалоб и претензий на работу администрации пионерлагеря во второй и третьей сменах не поступало.

По результатам проверки руководство завода предупреждено. Предложено принять меры, исключающие отмеченные нарушения в 1985 году.

**Г. ТЕРЕНТЬЕВ,**  
заместитель председателя  
Калининского областного комитета  
народного контроля».

Наша читательница Галина Литвиненко, бывая у родителей в Тульской области, неоднократно видела, что местные жители откармливают скот и птицу хлебом. Об этом она написала в «Смену».

В ответ на запрос из редакции заместитель председателя исполкома г. Узловая Н. Н. Самсонов сообщил: меры приняты. Заведующая магазином А. Д. Минаева освобождена от занимаемой должности. Городской отдел внутренних дел усилил контроль за выполнением Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении ответственности за скармливание скоту и птице хлеба и других хлебопродуктов, скупленных в государственных и кооперативных магазинах».

По сигналу читательницы Л. Чумаковой из г. Калязина, медсестры областной клинической больницы, на месте проведена проверка качества организации работы среднего и младшего медперсонала. Трудности в работе медсестер, объяснил в своем ответе в редакцию заведующий Калининским облздравотделом Ш. Хондарян, обусловлены неуклюжестью кадрами. На состоявшемся собрании, поводом для которого послужили вопросы, поставленные в письме Л. Чумаковой, внесены конкретные предложения по улучшению труда медсестер.

Благодаря сигналу читателей из Минска проведена проверка работы 18-й и 19-й городских поликлиник, обслуживающих школьников. «Комиссией выявлены упущения и недочеты в наблюдении и лечении близорукости у школьников, в работе спецгрупп и ЛФК. Администрации 18-й и 19-й городских поликлиник предложено устранить отмеченные недостатки, усилить контроль за работой врачей-офтальмологов и медицинских работников школ», — ответила редакции заведующая Минским горздравом Г. Мазурова.

Молодежь колхоза имени Горького с. Старостинцы Винницкой области обратилась в «Смену» с жалобой на то, что администрация не уделяет внимания вопросам труда, быта и отдыха молодежи.

На запрос редакция получила ответ председателя исполкома В. Г. Тымуна:

*«Исполком районного Совета народных депутатов обсудил письмо молодежи с. Старостинцы. В с. Старостинцы есть новый Дом культуры, который полностью обеспечен музыкальными инструментами, техническими средствами пропаганды и культурно-массовыми мероприятиями. Однако культурно-массовая работа в селе организована на недостаточном уровне.»*

При проверке письма работниками районного отдела культуры оказана необходимая методическая и практическая помощь дирекции Дома культуры с. Старостинцы в улучшении работы.

Вопрос о закреплении молодежи на селе рассмотрен на заседании комитета комсомола колхоза. Его работа взята на контроль райкомом комсомола».



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

# СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ  
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

## № 24 (1382) ДЕКАБРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Наша обложка: учебный барк «Седов». Фото Глеба КОСТЕЦКОГО. Репортаж «ХОЖДЕНИЕ ЗА МОРЕ» читайте на 12-й странице.

- 1 Георгий СУШКО. «СПЛОЧЕННОСТЬ ДЕЛОМ».
- 4 «СМЕНА»-85. Что пишут читатели?
- 6 КАК ЖИТЬ? СОГЛАСНО ИДЕЕ ИЛИ СОГЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?  
Подводим итоги дискуссии.
- 8 Рассказ Геннадия МАШКИНА «БРИЛЬЯНТ ГРЮН».
- 10 Конкурс одного стихотворения «ЗЕМЛЯ МОЯ—СУДЬБА МОЯ».
- 12 «ХОЖДЕНИЕ ЗА МОРЕ».  
Фоторепортаж Юрия ИВАНОВА и Глеба КОСТЕЦКОГО.
- 15 Петр НОВИКОВ. «ВАШ СЧЕТ №...»
- 16 ОТЕЧЕСТВО.  
«СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ».  
Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 18 Стихи Михаила ШЕВЧЕНКО.
- 22 «ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЛУКАЧА».
- 24 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.  
«ГЕОМЕТРИЯ КОСТЮМА».
- 25 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 27 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «ИГРАЕМ В «СПРИНТ».
- 31 «В БУДУЩЕЕ—С НАДЕЖДОЙ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена», 1984 г.

# СМЕНА '85 СМЕНА '84 СМЕНА '83 СМЕНА '82 СМЕНА '81 СМЕНА '80

Что  
читатели  
пишут?

**В** ваших руках, дорогие читатели, последний номер «Смены» за 1984 год. По традиции мы подводим итоги года уходящего, уточняем планы на будущий. И оценка сделанного, и перспективное планирование — все это основывается прежде всего на ваших пожеланиях.

К середине декабря мы получили более 120 тысяч писем. Для сравнения скажем: это на 40 тысяч больше, чем получено за весь 1983 год. Такой рост почты объективно свидетельствует о расширении круга наших читателей, о возросшей популярности журнала.

В эти дни особенно много писем, связанных с приближающимся 40-летием Победы. Очень взволновал читателей очерк В. Янелиса «Обратитесь к Драгунову» (№ 18), рассказывающий о работе черниговского клуба «Поиск».

«Читали очерк с горькими слезами и глубокой благодарностью редакции — за то, что опубликовали рассказ о таком замечательном человеке. Мы, ветераны, прошедшие ужасы войны, сердечно благодарны Владимиру Денисовичу Драгунову за ту огромную работу, которую он ведет, разыскивая погибших, за его человечность, доброту, бескорыстие. Он так же помогает ветеранам разыскать своих однополчан, как помог и одному из нас.

Воины, отдавшие жизнь за нашу Родину, заслуживают того, чтобы память о них была сохранена. Но нас волнует то, что поисковая работа проводится только инициативными людьми — такими, как Драгунов, и школьниками. И, к сожалению, не везде, где прошла война. «Смена» правильно ставит вопрос об организации поиска в общегосударственном масштабе».

**Ветераны войны и труда Н. М. Бурьлова, майор медслужбы; К. П. Чертушкин, капитан медслужбы, г. Пермь.**

Ветеранов поддерживает и **Александр Волкодав из Киева:**

«В конце августа мы с отцом привезли горсть родной земли на могилу моего дяди. Через сорок лет брат пришел к брату... А разыскал могилу Владимир Денисович. И я согласен с вами в том, что нужно объединить усилия и опыт следопытов, создать центральный орган, координирующий поисковую работу в масштабе страны».

Вполне естественно, что эти письма мы воспринимаем как читательский наказ и в будущем сердечно рассказывать о людях, посвятивших себя поиску неизвестных героев войны, о тех, кто защищал Родину в годы Великой Отечественной.

Что еще привлекает читателей в «сменовских» публикациях?

«Я постоянный подписчик вашего журнала, — пишет **М. Бибилов из Махачкалы,** — и всегда с нетерпением жду очередного номера. В каждом из них открываю для себя что-то новое, многомудрое. Особенно меня интересуют нравственные вопросы, которые поднимаются на страницах журнала. Статьи на эти темы заставляют нас думать о своем месте в жизни, трезво оценивать свои поступки, очищать душу, от всего мелочного, наносного. Очень хотелось бы, чтобы нравственные проблемы занимали большее место на страницах журнала. Ведь нам, молодым, порою так не хватает духовной пищи!»

Полагаем, слова **М. Бибилова** в полной мере относятся и к очеркам «Оскудение» (№ 16) и «Отступились» (№ 20).

«Оскудение» я читал моим ребятам, — сообщает **В. Чередищенко, учитель из Днепропетровска.** — Когда закончил чтение, в классе долго стояла полная тишина. Видел бы автор лица восьмиклассников в те минуты!»

«Прочел в № 20 очерк «Отступились»... Я также стал работать в «Комсомольском прожекторе» по своему желанию. Честно говоря, иллюзий я не строил, тем более что мне нередко приходится рисовать карикатуры на пьяниц и прогульщиков. Причем мои карикатуры имеют сходство с оригиналами... «Пострадавшие» до сих пор на меня в обиду. Но что же мне — извиняться, заискивать перед ними? А в общем, большинство рабочих нашего цеха спуска разгильдяям не дают.

Я хочу сказать вот что: люди портят себе жизнь страхом не меньше, чем дикого лем. Страх свойствен каждому человеку, но одержать над ним победу, убить в себе подленькую мысль — «как бы чего не вышло» — уже мужество. И еще мне хочется сказать «отступившимся»: невозможно, нельзя отступить бесконечно, всему есть предел. Есть ситуации, когда отступление смерти подобно. Твоей смерти как гражданина... Избегать возможных неудач — значит обречь себя на поражение. Будьте же в житейском море капитанами, а не утопленниками!»

Уважаемая редакция! Хотя я и не просил у вас помощи, вы мне очень помогли своими публикациями».

**С уважением  
Александр Белоусов,  
г. Коломна Московской области.**

Вопросы нравственности, морали... Они волнуют людей всех возрастов, всех профессий.

«Хорошо, что такие темы, — считает **В. Роцин из Чебоксар,** — вы решаете не в «лоб», не преподноситесь, как нравоучительские лекции, не навязываете нам свое мнение, а как бы советуетесь с читателем, интересуетесь и его мнением».

Совет с читателем... Это — незыблемое правило работы редакции. Очень часто именно совет читателя подсказывает новую грань, новый поворот темы. Вот одно из таких писем.

«Считаю, что комиссар педотряда студентов-уральцев **Дмитрий Шеваров прав,** когда в статье «У твоего порога» («Смена» № 14) говорит о том, что в детских домах и школах-интернатах очень нужны молодые учителя и воспитатели. В интернате, где живу я, так и есть — молодых большинство. Только нельзя забывать и о тех, у кого за плечами богатый жизненный опыт, свои дети (уже взрослые). Зачастую они умеют приласкать, утешить, понять ребенка лучше, чем молодые воспитатели».

**Лена Скорынина,  
ученица 10-го класса,  
г. Сургут.**

Многие интересуются материалами о деятельности педотрядов, рассказывают и о своих делах, своих трудностях, просят совета. Одно из писем на эту тему — из **г. Беслан Северо-Осетинской АССР.**

«На комсомольском собрании нашего завода «Автоспецоборудование» мы решили создать педагогический отряд. (Подшефная школа-интернат у нас имеется.) Более половины работающих на заводе — молодежь до 30 лет. Собрали ребят, побывали у детей, рассказали о нашей работе, об истории завода. Теперь хотим пригласить восьмиклассников на завод.

Вот пока и все, что мы придумали. А дальше что делать, как интереснее вести работу? Надеемся, что «Смена» подскажет нам, как лучше организовать шефство над детьми, ведь просто посещения школы — этого мало и для нас, и для подшефных. Мы знаем, что журнал всегда помогает в работе молодежным коллективам. Мы тоже не сидим сложа руки, ищем свои пути. Но ваш совет был бы очень нужен».

**По поручению педотряда  
Юрий Шишкин.**

Благородное дело начали комсомольцы из Осетии. И «Смена», чем может, будет помогать им и другим коллективам педагогических отрядов.

Многие публикации «Смены» долго не забываются читателями. Почти два года назад («Смена» № 4, 1983 г.) была опубликована статья «Престиж инженера», а отклики на нее продолжают поступать. Наш читатель из **Ижевска, молодой инженер Николай Кузнецов,** пишет о том, что многие работники только

числятся инженерами, а на самом деле исполняют обязанности техников, чертежников, снабженцев и т. д. Автор обеспокоен неправильным использованием инженеров: загруженные неквалифицированной работой, не имея возможности применять на практике свои знания, они рискуют постепенно растерять все то, чему учились в институтах. С другой стороны, инженерные должности нередко занимают люди, не имеющие достаточной подготовки, специального образования. Все это, считает Н. Кузнецов, ведет не только к снижению престижа инженера, но и к замедлению темпов научно-технического прогресса. Словом, как показывают письма читателей, в деле подготовки инженеров, в организации их труда остается еще немало проблем. Так что поставить точку и считать тему закрытой, видимо, еще рано.

В нашей почте особое место занимают письма со Всесоюзных ударных комсомольскихстроек. И это не случайно: «Смена» постоянно ведет разговор о строительстве новых городов, предприятий, территориально-производственных комплексов.

Совсем недавно произошло событие, к которому строители шли десять лет, — уложено «золотое звено» Байкало-Амурской магистрали. Но все мы знаем: стыковка еще не завершение десятилетнего труда. Предстоит огромная работа по освоению зоны БАМа. Тема эта обширная; одну из ее граней подсказывает **Любовь Земляная из поселка Таксимо.**

«Хорошо снабжает государство поселки магистрали, — пишет она. — Но БАМ уже встал на ноги. Так дайте ему возможность кое в чем самому о себе позаботиться. Например, в снабжении некоторыми продуктами. Рядом с нашим поселком — заболоченное озеро. Есть торф, плодородный озерный ил, вода. Нет только этому богатству настоящего хозяина.

Население в Таксимо — 8 тысяч. Дети. Без свежих овощей — беда. Приспосабливаемся.

# СМЕНА

Возим торф. Каждый — в свой дворик.

Теперь представим то же самое, но очищенное мелиораторами озеро. На основном берегу — новая, капитальная школа (строить ее так или иначе придется — времянка от переполнения третит по швам). Поблизости, на торфяе с песочком, добренными илом, — парниковый комбинат. И все в комплексе. В соответствии со школьной реформой. А то ведь у нас сейчас сотням подростков не к чему даже руки приложить! Много женщин-домохозяек. Они бы и рады поработать, да негде пока. БАМ-то в основном строят мужчины. Хочется, чтоб министерства и ведомства серьезно заботились о гармоничном развитии бамовских городов и поселков, чтоб у каждого из них был единый, рачительный хозяин».

Да, при освоении Сибири и Дальнего Востока возникает немало острых вопросов, трудностей — как объективных, так и порожденных чьей-то неразворотливостью, «ведомственным» подходом к делу, бесхозяйственностью, плохой организацией труда.

**Г. Гаджиев** приехал на КАТЭК в составе комсомольского отряда.

«Приведу лишь один пример, — пишет он в «Смену». — Наша бригада две недели сидела без дела. Бригадир несколько раз разговаривал по этому поводу с начальником участка, главным инженером стройуправления, ходил даже к управляющему трестом. И, что, вы думаете, тот ответил? «Скоро новый год, и за тот год вы еще наработаетесь», — сказал управляющий. И ничего не сделал. Конечно, если руководители будут разговаривать с нами подобным образом, то с каким настроением мы будем выходить на работу? Мы работы не боимся. Но разве мы не можем требовать, чтобы каждый человек — а руководитель в первую очередь — занимался своим делом как следует, со всей ответственностью?»

Разумеется, в письмах с БАМа, КАТЭКа, других ударныхстроек говорится не об одних недостатках, трудностях. Но критические письма подсказывают нам: надо острее говорить на страницах журнала о нерешенных проблемах и не «складывать перья», пока эти проблемы не начнут по-деловому решаться. Стиль работы, деловитость, ответственность — такие темы будущих публикаций «Смены».

Еще одно очень встревожившее нас письмо — отклик на очерк А. Фарутина «Обида», опубликованный в № 18 за этот год. (Напомним, о чем шла речь: в результате формального подхода к определению победителя в социалистическом соревновании был незаслуженно обижен хороший человек, лучший тракторист лесопункта.) И вот что пишет нам читательница из г. Брежнев, с КамАЗа:

«Здравствуйте, уважаемая редакция! В очерке «Обида» вы подняли актуальнейший вопрос нашего времени. Так бывает, что соревнование может породить конфликты, обиды, несправедливость и даже вражду. Если б определение победителей происходило на общем собрании, гласно, а то ведь в узком кругу... И стоит человеку хоть с небольшой критикой выступить на собрании, как сразу причину найдут, чтоб вычеркнуть из списка «лучших по профессии», из кандидатов в победители, премии лишат — даже если рабочий не делает брака, не опаздывает, не прогуливает и вообще ас в своем деле. Вот такие конфликтные ситуации довели моего мужа, слесаря-лекальщика шестого разряда, до инфаркта. Писали о случившемся в газету, письмо оттуда переслали на завод для «разбора на месте». После этого «разбора» муж вынужден был уволиться. Поэтому я не подписываю письмо, дватит нам неприятностей».

Не зная всех обстоятельств конфликта, трудно судить, насколько полно изложено здесь случившееся, кто тут прав, а кто виноват. Что ответить автору письма? Что не надо из одного случая делать столь далеко идущие выводы, нельзя смотреть на все сквозь черные очки? Но, как говорится, чужую беду руками разведу... Каждый подобный случай — это человеческая обида, боль, разочарование. Нет, не соревнование в том повинно: его принципы справедливы и благородны. Однако эти принципы, как мы

зарубежных журналов, которыми интересуется юный краснореч, выписаны каллиграфическим почерком — можно, значит, при желании?..

К сожалению, неразборчивость, небрежность в письмах стали обычным явлением; пользуясь случаем, хотим попросить читателей помнить, что сотрудникам редакции приходится читать тысячи писем, и не грех бы писать их поаккуратнее. Но это к слову...

Объективности ради должны отметить, что встречаются в письмах и критические строчки. В целом положительно оценивая материалы клуба «Музыка с тобой», читатели высказывают ряд замечаний. «Хорошо бы активизировать работу клуба в новом году»; «Пишите о музыке и музыкантах, певцах, композиторах чаще и более подробно», — предлагают Владимир Ф. из Воронежа и В. Генин из Днепропетровска.

«Журнал постоянно откликается на пожелания читателей, публикуя материалы по их просьбам. Поэтому я тоже решила обратиться к вам и предложить несколько тем для публикаций, которые, на мой взгляд, будут интересны не только мне и моим друзьям, но и многим читателям журнала. Хотелось бы прочитать статьи о разных профессиях — ведь бывает и так, что человек выбирает профессию почти наугад, мало ее себе представляя. Знает, к примеру, что продавец торгует в магазине, токарь что-то вытачивает из металла — и все. А этого явно недостаточно...»

Таня С., Темиртау.

Следующее письмо — также о подготовке будущих рабочих.

«С профтехучилищ большой спрос за подготовку кадров для предприятий. Но почему работникам ПТУ подчас приходится отвечать за чужие ошибки? Поясню, о чем речь. Известно, что заводы строго спрашивают за подготовку молодых рабочих. Точно так же училища должны предъявлять строгие требования к школам за воспитание молодежи. «Педагогическому браку» не может быть позволений».

В. Плотникова,

г. Сысерть Свердловской области.

В шестнадцатом номере мы сообщили об открытии со следующего года новой рубрики о здоровье. Читатели поддерживают эту идею, считая, что заботиться о здоровье надо смолоду. В письмах много предложений; отметим, в частности, такое: усилить пропаганду против пьянства, курения как наиболее распространенных зол, губящих здоровье человека.

«Все знают, что мужская половина населения баловалась «зеленым змием» и табаком испокон веку. Но хуже всего то, что эти недостатки распространились теперь и на прекрасную половину человечества. Когда видишь девушку навеселе или с сигаретой в зубах, так и хочется крикнуть: «Остановитесь! Что вы делаете? Неужели вы не понимаете, что отправляете не только себя, но и своих будущих детей?» Я думаю, что не одинок в своем мнении. Поэтому прошу вас, дорогая редакция, опубликовать мое письмо с полным адресом и именем».

Андрей Горбунов, Ленинград,

Серебряный бульвар, 28, кв. 116.

С Андреем солидарны военнослужащие с Украины Воронцов, Большаков и Тараканов:

«Мы пишем вам после обсуждения очерка Ольги Чайковской «Пикник в подъезде» и статьи Станислава Швердина «Опасное пристрастие». Многие наши ребята убеждены, что все начинается с самого себя, с твоего отношения к жизни. А если ты попал в «плодую компанию», то лучше всего сразу от нее отделаться».

Желаем редакции «Смены» успехов в работе, чтобы ваш журнал был по-прежнему таким же интересным и чаще затрагивал жизненные проблемы, давал советы, в которых мы, молодежь, нередко нуждаемся».

С одобрением встретили читатели открытие на страницах «Смены» футбольного клуба «Надежда», о чем мы можем судить по нескольким сотням писем, поступивших в редакцию. Познакомьтесь с одним из них:

«Дорогая «Смена»! Наконец-то у нас теперь есть свой футбольный клуб с прекрасным названием «Надежда». Это был для меня счастливый день, когда я получил № 16 журнала. Спасибо за прекрасный материал о Х. Оганесяне. Поведелю Хорену: писал о нем большой мастер журналистики Лев Филатов. Надеюсь, что и впереди на ваших страницах будут выступать лучшие футбольные обозреватели, как это и было в первом выпуске клуба. Рад за автора материала «Откуда ты родом» Бориса Шурделина. Это, по-моему, пример тактичного и одно-

временно острого подхода к проблемам воспитания. Ознакомившись с несколькими выпусками клуба, я понял, что не только миллионы болельщиков, а и честные футбольные журналисты всей душой и сердцем болеют за судьбу Большой Игры, за судьбы состоявшихся и будущих Мастеров. Спасибо!»

А. Морозов,

г. Далматово Курганской области.

Мы благодарим всех любителей футбола и обещаем выполнить их просьбы.

Широкий отклик вызывают поэтические публикации «Смены», материалы о литературе, искусстве.

«Уважаемые товарищи, — пишет Ольга Васильева из Нижневартовска, — спасибо за статью о Ю. М. Рахше («Смена» № 18, 1983 г.). Мне она очень пригодилась для рассказов о его творчестве».

Семнадцать лет я учу детей рисовать, работаю преподавателем художественного отделения в детской школе искусств Нижневартовска. Все эти годы читаю лекции по путевкам общества «Знание». Выступаю перед рабочими, врачами, педагогами, милиционерами, нефтяниками.

Здесь суровые условия, я много раз бывала с ребятами на буровых в тридцатиградусный мороз. Были не гостями, а рисовали по восемь часов, вместе с вахтой. Ребята мои с уважением смотрели на буровиков, видели их честный, нелегкий труд. А буровики с уважением относились к труду юных художников.

И когда я рассказываю о таком самоотверженном художнике, как Ю. М. Рахша, то на лицах моих слушателей, часто далеких от искусства, я вижу уважение, задумчивость, грусть, радость, даже слезы...»

Готовя материалы на любую тему, мы стараемся смотреть на них с точки зрения читателя: какую пользу он вынесет для себя, что нового узнает, какие мысли пробудит журнальная публикация? И высшая награда, когда почта приносит читательские признания, — как это:

«Пишет вам бывшая школьница, в этом году я окончила 10 классов. В № 17 «Смены» я прочитала статью Адели Алексеевой «Оставь пламень свой» и решила написать письмо. Еще с детства меня интересовала история Останкинского дворца и, конечно же, жизнь и творчество крепостной актрисы П. И. Ковалевой-Жемчужовой. К сожалению, у нас очень мало известно о ее судьбе».

В данный момент я работаю в библиотеке при войсковой части. После вашей статьи у меня появилось огромное желание изучать материалы, касающиеся театра Шереметева, изучать проблемы, дальнейшее будущее Останкинского дворца».

Лена Куренкова, Москва.

Читатели активно откликаются на публикации «Смены», принимают участие в конкурсах эрудитов, шахматистов, в дискуссиях.

По просьбе читателей была введена «Юридическая консультация». Мы получаем сотни писем, на которые отвечают квалифицированные юристы — персонально авторам и на страницах журнала. Мы и впредь будем давать такие консультации. Их тематика формируется в основном из правовых вопросов, интересующих молодых людей.

...Продолжают поступать последние письма уходящего года. Мы внимательно изучим все советы, предложения наших читателей. И наиболее актуальные из них обязательно найдут свое отражение на страницах журнала.

Что  
читатели  
предлагают?

# на 85

видим, не осуществляются сами по себе — их осуществляют конкретные люди. А среди них попадаются, к сожалению, и формалисты, зажимщики критики, бюрократы.

Мы не можем согласиться с тем, будто у рабочих нет управы на зарвавшегося администратора, — новый Закон о трудовых коллективах дает для этого достаточно широкие права. Тем не менее письмо с КамАЗа как бы тревожный сигнал и нам, журналистам: надо глубже анализировать проблемы соревнования, не ограничиваться цифрами и процентами, а исследовать нравственный, психологический климат в коллективах во всей его полноте и сложности. Отстаивать чистоту принципов соревнования от равнодушия, кумовства, формализма, чтобы не было у нас обид и конфликтов, несправедливости.

Вносят читатели и конкретные, самые разнообразные предложения.

Уважаемая редакция! Читаю журнал уже десятый год. Хотелось бы, чтобы вы опубликовали статью о молодежи США. Какую правду и какую ложь знают молодые американцы о Советском Союзе? Какие задачи стоят перед собой профсоюзные деятели и члены Компартии США?»

Игорь Бондарев, Тбилиси.

«У нас в городе во все кружки и клубы принимают детей 1—6-го классов и молодежь старше 16 лет. А куда деваться нам, 14—15-летним подросткам? Может, ты, «Смена», заинтересуешься этой проблемой?»

Елена Шовка, Целиноград.

«Вношу предложение: включите в список тем на новый год статью о правилах хорошего тона, этикете. Ведь это тоже необходимо знать молодым».

Лариса из Улан-Удэ.

К слову сказать, о правилах хорошего тона... Выражение звучит старомодно, но все-таки смысл его моде не подвержен. Хороший тон — это, в сущности, уважение, например, к собеседнику. Читая письмо 15-летнего Д. К. из Красноярска, мы еще раз пожалели, что некоторые правила хорошего тона — культура переписки в частности — в значительной степени утеряны. Некоторые места этого неразборчивого, небрежного и порой не очень грамотного письма мы так и не смогли разобрать... Между прочим, названия

**В дискуссии, начатой выступлением писателя Диаса Валеева («Смена» № 2), приняло участие более 1200 читателей журнала. Ее итоги подводят сегодня Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий кинодраматург Евгений ГАБРИЛОВИЧ и редактор отдела коммунистического воспитания «Смены» Борис ДАНЮШЕВСКИЙ.**

**Корр.** Приглашая вас, Евгений Иосифович, принять участие в завершении разговора о том, как жить — согласно идее или согласно обстоятельствам? — мы передали вам все письма, которые редакция получила в течение года от читателей, внимательно следивших за дискуссией. Писем было действительно много — разных, непохожих друг на друга и по тону, и по мыслям, и по настроению их авторов, остро полемизирующих и соглашающихся с писателем Диасом Валеевым, со статьи которого во втором номере началась дискуссия. Речь в статье шла о двух молодых людях — Николае Дружинине и Юрии Качалине, почти ровесниках, жизненные позиции которых оказались настолько противоположны-

зависимости от тысячи непредвиденных обстоятельств, которые не втискиваются ни в заповеди, ни в схемы.

Вот тут и надо бы разобраться в человеке не по заготовленным штампам, а по душе. Вникнуть во все пружины его характера, разобрать все его винтики и сердечные рычаги. И не при помощи общих фраз и общеизвестных истин, а, что называется, с глазу на глаз, сердцем к сердцу. Посмотреть на его нравственную основу и на его нравственные принципы.

**Корр.** Вот именно об этом — о нравственной позиции человека — прежде всего и рассуждают наши читатели. Студентка из Омска Елена Новикова сразу предложила считать вопрос дискуссии «Как жить?»

# КАК ЖИТЬ?

ми, что привели одного из них — легко и естественно — к твердому убеждению, что и сегодня можно быть революционером, помогая патриотам тех стран, которые с оружием в руках борются за свою свободу, а другого — на скамью подсудимых за тяжкое преступление. Эти две жизни не оставили равнодушными наших читателей. И самое первое впечатление от развернувшейся дискуссии заключается, по-моему, вот в чем: буквально все читатели пишут, что вопрос дискуссии задел их за живое, заставил отложить свои срочные и несрочные дела, задуматься о сути своего бытия и поискать для себя самого ответ на вопрос «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?».

**Е. Габрилович.** Я тоже с огромным интересом прочитал материалы дискуссии и почту, которую вы мне передали. Должен сразу сказать, что совсем не хотел бы начинать нашу беседу со слов: «Здесь не так все просто...» или «Это сложный вопрос...». Если же кто-либо, отвечая на вопрос дискуссии, начал бы разговор с этих слов, я бы смело утверждал, что этот человек хочет уйти от прямого и честного ответа.

И все-таки, действительно, как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам? Казалось бы, в самой постановке вопроса заключен простой и ясный ответ. Конечно, согласно идее. И, между прочим, все, кто считает себя примерным и положительным, ответили именно так. И выступают в своих письмах с советами, как быть примерными и положительными.

Однако замечу, что очень легко поучать, а следовать поучениям — это знает каждый из нас — гораздо трудней. И даже самые правильные нравоучения, если они черствы и азбучны, становятся от бесконечного повторения не чем иным, как бюрократической жвачкой, нередкой, к несчастью, на молодежных собраниях. Уверен, что именно эта самая жвачка дает порой совершенно обратный эффект. «Ах, вы ждете, — думает молодой человек, — чтобы я ответил на ваш вопрос, что хочу жить по идее? Так вот, я назвал вам напишу, что не нужны мне ни книги, ни ваши наставления, потому что я хочу жить не так, как вы наставляете, а как просит душа. А душа моя просит раздолья, шатания в компаниях по вечерам, звона гитар и разбитых окон...» Позволю себе предположить, что именно с такими мыслями жил, катаясь по наклонной плоскости к преступлению, и Юрий Качалин — антигерой очерка Диаса Валеева.

Когда я читал письма молодых людей, я как бы исследовал их, пытался дойти до истоков их характеров. И у меня создалось впечатление, что те, кто поучительствует в своих письмах в редакции, выглядят не столь уж ангелами и святыми, равно как и те, кто демонстративно выставляет на общий показ свою «черноту», не так уж черны.

Мне думается, что нельзя размечать людей только плюсами и минусами. В жизни мало стерильного. Даже самое чистое золото, как верно подмечено в одном из писем, считается 96-й, а не сотой пробы. И — скажу уже от себя — эта проба, если ею измерять человека, меняется в течение жизни, то увеличиваясь, то уменьшаясь, а порой даже достигает и нуля, в

# СОГЛАСНО ИЛИ СОГ

вопросом исключительно нравственным. Во многих письмах повторяется мысль о том, что сегодня, как никогда раньше, важно воспитывать в молодых чувство, определяющее их нравственность, — это чувство ответственности. Ответственности за свои поступки и помыслы, за окружающих тебя людей, за события, свидетелем и участником которых ты являешься.

**Е. Габрилович.** Тем более что жизнь предлагает нам эти самые события на каждом шагу, и не так-то легко в них разобраться, если пользоваться всего двумя мерками: плюсом и минусом.

Расскажу вам историю, с которой недавно свела меня судьба.

Жил-был парень, совсем молодой, инструктор райкома комсомола. Столкнулся он со злоупотреблениями, которые допускал директор огромного комбината. Поднял шум. Прав парень? — спрошу я вас. Прав! Плюс ему? Плюс!

Но тот директор имел крепкие связи в районе и в области, и инструктор вопреки всякой логике был снят с работы. И все-таки продолжал борьбу. Согласно идее? Конечно. Плюс? Плюс!

У парня была молодая жена, которая горячо вступилась за него. Борьба затянулась, жить им становилось все трудней и трудней. Жена стала нервничать, попрекать его, постепенно сдаваться... Вспыхивали ссоры, все чаще, крупней. Парень продолжал борьбу. И вот жена ушла от него. Он остался один, сделалось совсем печально и одиноко. Однако борьбу продолжал. Плюс? Плюс!..

Прошло время, жена вдруг вернулась. В слезах и отчаянии умоляла она простить ее. «Я не могла забыть тебя, разлюбить, хотя так старалась, — говорила она, рыдая. — Ты самый лучший и честный из всех, кого я встречала в жизни». Однако он не простил ее. Он сказал, что она его предала в самый тяжелый час, и хотя он по-прежнему любит ее, но с предательницей у него не может быть ничего общего. Прав он? Плюс ему? По идее он поступил?

По идее-то, может, и по идее, а нет у меня четкого ответа. Вот тут-то и надо бы спокойно во всем разобраться. И в нем. И в ней. Вникнуть во все пружины и частности, исследовать все сердечные рычаги. Потому что НАША ИДЕЯ при всех других своих нравственных требованиях предполагает и глубокую ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

Это следует помнить всегда, когда речь идет о человеке и его судьбе, иначе под маской идейности легко соскользнешь в бесчувственность и фарисейство.

**Корр.** История, которую вы, Евгений Иосифович, только что рассказали, лишний раз свидетельствует, что сама жизнь преподносит часто столь непредсказу-

емые обстоятельства, под тяжестью которых человек ломается, не выдерживая ударов об острые углы жизни. Вот письмо девушки из Чапаевска, которая, скрывшись за инициалами Т. А., пишет: «Я с детства верила в торжество разума, добра и справедливости. Но слишком часто за добро мне почему-то платили злом, а несправедливость брала верх. Я не хотела з это верить... но когда меня предали два самых близких мне человека, что-то во мне сломалось... Было невыносимо тяжело: слишком все случившееся противоречило моей натуре...»

**Е. Габрилович.** Да, я вас понял. Знаете, в силу своего богатого жизненного опыта и наблюдений могу сказать на это следующее: с молодежью надо обо всем говорить честно. В жизни встречаются такие сложные, такие трудные моменты, которые ведут и к упадку сил, и к разочарованиям, и к отчаянию. Иногда мы это отчаяние начинаем скрывать от других, что, на мой взгляд, совершенно недопустимо. Молодежь надо готовить к трудностям: с каким бы несчастьем, разочарованием ни встретился человек, какой бы сильный упадок физических и духовных сил он ни испытывал, как бы он ни думал, что жизнь не удалась, это всегда временно, проходяще. Пройдет эта волна, наступит нечто новое, начинается новая жизнь.

**Корр.** И разве не показательно в этом смысле, что свой отклик — да какой интересный! — прислал нам бывший алкоголик, который сейчас находится в ЛТП. Человек все-таки нашел в себе силы лечиться, хотя только сейчас понял, что 30 лет жил зря, потерял семью, друзей, работу. Он цитирует М. Горького: «Уже и маленькая победа над собой делает человека сильнее» — и пишет: «Вот и я понял, что надо становиться Человеком». Запоздалое прозрение в тридцать-то лет, не правда ли?

**Е. Габрилович.** Это ничего, ничего. Главное — человек наконец-то прозрел. Значит, осознал, что в нем заложены огромные силы. Человеческий организм вообще неисчерпаем по своим возможностям и часто даже медиков приводит в изумление. Я тоже часто удивляюсь той нравственной силе и тем животворящим импульсам, которые живут в нем. Живут и снова и снова выводят его из кризиса на верный путь. Это должны знать все: нет ничего такого, что может привести человека к непоправимому отчаянию. Все можно преодолеть, все пережить, пересилить. Но эту органическую уверенность надо в себе воспитывать.

**Корр.** Мне кажется, Евгений Иосифович, что один из ответов на вопрос «Как жить?» может быть и таким: воспитывать в себе личность! А как ее воспитывать? — могут нас спросить читатели. Кстати, и спрашивают. Вот у меня уже собралась целая переписка с одним молодым человеком, живущим в северном городе Инта. Буквально в каждом своем письме этот Володя просит дать совет, как ему вылететь от трусости. «Я рохля, — пишет он, — не могу постоять за себя или за знакомую девушку. Я и хотел бы дать сдачи обидчику, но не могу, меня словно что-то держит. Скажите, как мне воспитать в себе силу воли?»

**Е. Габрилович.** Интересно, и что вы этому Володе ответили?

**Корр.** Послал ему уже несколько писем, и в каждом красной нитью звучало: «Ты уже достаточно взрослый человек, чтобы самостоятельно осмысливать ситуации и отвечать за свои поступки. Пора брать жизненные заботы на свои плечи, а не сваливать их на близких или на «доброе дядю». Нельзя всю жизнь прожить по чужой подсказке. Необходимо наконец-то почувствовать себя человеком, а не улиткой.

Злостному обидчику, если уж до того дошло, можно дать и сдачи, пусть знает, что ты умеешь и готов постоять за себя. А главное — быть ближе к людям, не сторониться и не чураться их, а учиться понимать. Потому что к нам обычно относятся так же, как мы сами относимся к другим».

**Е. Габрилович.** Вы знаете, мне хотелось бы несколько обнажить истоки этого тревожного явления, которое кто-то из ученых справедливо назвал «соци-



альным инфантилизмом». Когда я читал почту, у меня невольно появилось ощущение, что многие молодые люди и задают-то свои вопросы вам, молодежному журналу, потому, что заражены уже этой болезнью. Я встречаюсь с ними и вижу: их вплоть до совершеннолетия вели за ручку и постоянно внушали, что они еще маленькие, что все в жизни дается легко и просто. Вот отсюда, кстати, и эти вопросы: «Как жить?» — все-таки они ведь понимают, что живут не так, что надо что-то менять в себе.

Мне приходилось вести подобные разговоры и с родителями, которым я говорил, что не надо приучать своих детей к легкой жизни. Они мне отвечали: «Слушайте, мы с вами прожили трудную жизнь. И мы хотим, чтобы наши дети не знали тех трудностей, что выпали нам». Это, конечно, суждение неправильное. Родители, рассуждающие так, как раз и воспитывают в своих детях эту самую инертность, инфантильность, аморальность. Парень не может защитить свою девушку, потому что в нем никто не воспитал нравственной сопротивляемости, способности бороться. Мы часто употребляем это слово «борьба» и подразумеваем борьбу политическую, социальную, а не следует забывать и о борьбе за самого себя. Надо бороться и за свою жизненную позицию, и за свои убеждения, и за себя как за человека, которого не сломят никакие обстоятельства жизни, никакое дуновение ее. Хотя достаточно пройтись по коридорам ГИТИСа, где я преподаю, во время экзаменов и понаблюдать за абитуриентами — многие впадают просто в чудовищное отчаяние от несданного экзамена. А ведь ничего не потеряно. Сильная личность должна понимать, что не сегодня, так завтра можно будет добиться успеха. И то, что у нас есть такие молодые люди, — это упрек и нашей общественной работе, и всем, кто старается стереть сложности,

ему сердцу? Она, девушка правильная во всех отношениях, комсомольский вожак, оказывается лицом к лицу с определенными нравственными проблемами.

Кстати, я обратил внимание, что в почте дискуссии немало писем-откликов от девушек. И в том числе от тех, кто еще не нашел своего места в жизни, кто колотится с парнями по улицам. Я задумался: чем это объяснить?

Объяснений довольно много, и я боюсь заблудиться в них. Остановлюсь на одном, которое кажется мне пусть не главным, но вполне убедительным. Все это происходит не всегда от распушенности, грубости и даже безжалостности современных молодых представительниц слабого пола, а, как это ни странно, от ЧУВСТВА НЕЗАЩИЩЕННОСТИ. Это защитная реакция, оборонительное стремление поддаться под общий тон компании, с которой проводишь время. Это естественный результат вечной (и как бы даже узаконенной бытом) иронии над мягкостью, нежностью, раннимостью. Парень боится быть обвиненным в рыцарстве, девушка опасается прослыть стеснительной, кроткой, нежной. Задраязнит! В моде мускулы, сила, уверенность в убедительности туманов и затрепич.

А в итоге — бесчувственность. Смех и свист в кинозале в момент наиболее драматических сцен. Парень стыдится быть с девушкой любезным и даже попросту вежливым. Он не ухаживает за ней, «клеится». Придумали же такое точное слово. Именно «клеится».

В школе им рассказывают о романтиках и мечтателях, помилуван даже Грин, а во дворе, на улице, на жаргоне гитарных компаний мечтания — это «муть», нечто самое дырявое и слюнявое на свете.

И словно бы в унисон с ними в одном из писем с высоты «идейности» его авторши звучит презрение к девушкам из общежитий, которые украшают свои комнаты всевозможными чебурашками, вышивками, а на окнах — вы представляете! — занавесочки.

Знаю я эти куколочки и чебурашки, встречал их не раз в общежитиях. И не только на стройках, но и на фронте. Видел, кстати, как-то на Курской дуге, в палатке, где жили две летчицы, известные всей стране. Да, были тут и куколочки, и кружевца, и

главному для себя делу. Между прочим, в этом он напоминает мне Николая Дружинина, который тоже твердо знает, чего хочет в жизни, верен своей мечте. Но мы ведь сегодня говорим с вами не только о людях дружининского типа, а и о тех, кому он противостоит как личность, — о качалиных, о «примыкающих», у которых, собственно, нет осознанного стремления к достижению какой-нибудь жизненной цели, о тех, о ком в народе говорят: «Живет, как трава растет».

**Корр.** Они, кстати, тоже прислали нам свои письма-отклики на дискуссии и, между прочим, тоже рассуждают о счастье.

**Е. Габрилович.** Это и естественно, и понятно. Вот им-то я как раз хочу сказать следующее: знаете, друзья мои, прожив немалую жизнь, я отчетливо вижу, что то, что мы так восторженно подчас называем счастьем, конечно, прекрасно, но, увы, бывает быстролетно. Счастье не может существовать постоянно, оно как вспышка, как всплеск. Это «пики» жизни. Но между «пиками» лежат пространства, достаточно ровные. Это и есть сама жизнь.

Мне кажется, что прочное счастье на этих ровных пространствах есть увлеченность: работой, творчеством, семьей, жизнью вообще и всем, что она нам приносит. Любимым делом — оно может быть самым маленьким и простым, трудным, обыкновенным, однако таким, к чему бы притягивалась душа. И светила при этом. Без этого жить глуховато.

Как найти это желанное дело? Как прийти к нему? Скажу прямо: не без усилий. Жизнь вообще состоит не из зефиров. Много есть колдобин и препятствий, которые на протяжении долгих лет, с юности и до седин, стерегут человека. Счастье само никогда не придет, даже если вы примерно следуете всем нормам производственной и общественной жизни.

«Если я как человек вполне сложился, — пишет в своем письме один из участников дискуссии, — состоялся как личность, то какими бы большими и страшными ни были волны, набегающие на остров моей жизни, мои отношения с миром будут вполне ясными и четкими».

Не зарекайтесь, мой друг! Посмотрим, что скажете, когда придут действительные, а не воображаемые волны!

# ИДЕЕ

# ОСТОЯТЕЛЬСТВАМ?

которые появляются на пути молодых, и тем самым приводит их к осознанию того, что все прекрасно, что им самим уже ничего не надо делать для своего счастья — все, дескать, придет и так. В то время как нужно «из себя» сотворить себя. Я убежден, что истинное воспитание — это прежде всего побуждение к самовоспитанию. Опыт самовоспитания, которым воспользовались многие талантливые люди, известные мне, подтверждает: человек не должен, просто не имеет морального права винить в своих неудачах или провалах обстоятельства жизни, а тем более оправдывать себя и свои поступки этими обстоятельствами, идти у них на поводу. Выбрал себе дорогу — ступай по ней твердо, настойчиво, и ты скоро сам поймешь, что стал человеком, несущим в себе твердую духовную и нравственную позицию.

**Корр.** При этом она должна быть обязательно активной. В противном случае это будет не позиция, а поза. Ведь нельзя же быть нравственным только для себя, что называется, замкнувшись в себе. Человека касается все. В связи с этим хотелось бы вспомнить некоторые ваши фильмы, такие, например, как «Машенька», «Коммунист», «Твой современник». На мой взгляд, они прекрасно и убедительно отвечают и на вопрос дискуссии «Как жить?», и на вопрос, который мы сейчас с вами затронули: как же становиться активным, воспитывать в себе личность с малых, юношеских лет?

**Е. Габрилович.** Да, мне приятно вспомнить свою первую картину «Машенька» — это 30-е годы, это картина моей молодости. То было время, когда ношение голстюка считалось позором для комсомольца, я уж не говорю о крашении губ и т. п. Комсомольцами были люди, непоколебимые в своих идейных убеждениях. Вот и героиню фильма мы старались показать именно такой: чистой, романтической, прямой. Ей 18—19 лет, она член партии, и жизнь она воспринимает по-своему: у нее нет ни сложностей, ни сомнений в понимании путей, по которым она пойдет, ни в суждениях о жизни. И вдруг она сталкивается с ситуацией, когда любимый человек изменяет ей с ее лучшей подругой. Так происходит первое ее столкновение с самой жизнью, столкновение ее идей с обстоятельствами жизни. И перед ней вопрос: чему следовать — своей идейности или сво-

цветочки, и мечты о замужестве и будущих ребятишках. И что? Как не хватает нам всем порой среди множества звонких фраз вот этих искренних, тихих слов о семье и домашнем уюте! Я вижу в этих цветочках и кружевцах среди грома и гибели войны нечто извечно женское, трогательное и удивительное, я вижу ПОДЛИННОСТЬ этих двух юных женщин. Как желал я тогда, чтобы те их фронтные думы в военной палатке с подушками и цветочками осуществились! Увы, обе они погибли. Во славу великого, но вовсе не женского дела. Они совершили героический воинский подвиг!

**Корр.** Евгений Иосифович, вот еще один виток нашего разговора: нравственная позиция человека обязательно проявляется в деле, которым он живет. Наше время, как никогда, требует людей деятельных. Людей, утверждающих себя не словами, а поступками. Таких людей сегодня очень много — это первооткрыватели космоса, это те, кто в свои молодые годы построил «дорогу века» — БАМ, это доблестные воины, зорко охраняющие наши священные границы, это молодые работники сельского хозяйства, выполняющие Продовольственную программу... Все они смело могут называть себя продолжателями дела Павки Корчагина, молодого гвардейца, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, Сергея Чекмарева. Кстати, в его дневниках нашел я однажды замечательные слова, очень подходящие к нашему разговору о выборе места в жизни. «Для счастья, для самого личного счастья человека, — написал он, — необходима горячая привязанность его к какому-то делу и какой-то проблеме, к какой-то «идее»... И если человек страстно желает достигнуть какой-то цели, если его желание не дает ему покоя, если он ночи не спит с этой страстью, тогда удовлетворение желания приносит ему такое счастье, что весь мир кажется ему сияющим, земля поет под ним. И пусть даже цель еще не достигнута, важно, чтобы человек страстно желал ее достигнуть, мечтал, горел этой мечтой».

Вот, по-моему, ясное и четкое понимание цели своей жизни и счастья, сделанное, кстати, молодым человеком в возрасте 22 лет.

**Е. Габрилович.** Что ж, вы привели пример цельного человека, способного подчинить все свои мысли, повседневные действия и поступки какому-то одному,

Мещанство, на мой взгляд, совсем не в куклах, не в чебурашках и не в цветочках на окнах. Мещанство в уверенности, что ты все знаешь и понимаешь, что тверд, как скала, и можешь судить и миловать с высот своей безупречной непогрешимости.

**Корр.** Мне хочется вслед за нашим постоянным читателем Владимиром Федоровичем Рудневым из Москвы повторить слова Алексея Максимовича Горького: «Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую». Прекрасные, по моему, слова, очень точно и емко отвечающие тем, кто ищет ответ на вопрос «Как жить?». Кстати, я хорошо знаю самого Владимира Федоровича Руднева, молодого уже человека, пенсионера, который не представляет своей жизни без того, чтобы не отдавать частицу ее другим людям, помогая им и теплым словом, и конкретным добрым делом.

**Е. Габрилович.** Конечно, в жизни каждого человека должна быть ведущая идея, во имя которой он живет. Жить согласно идее! Казалось бы, четко и просто. А вот не просто!

Наша страна проводит невиданную работу по духовному изменению человека и обновлению общества в целом. Постепенно входят в душу и сердца людей великие, справедливые нравственные нормы. Не случайно многие читатели, приславшие письма в редакцию, связывают ответ на вопрос «Как жить?» с размышлениями о мире, с борьбой за сохранение мира на планете. Я уверен, что в этих письмах нет лицемерия. Хотя их написали люди, которые слыхом не слыхивали, что такое война, и не видели ее подлинных ужасов.

То, что наша молодежь с такой горячностью и энергией занимает твердые позиции борьбы за мир, свидетельствует, что она находится на передовой линии строительства коммунизма — нашей общей прекрасной и светлой идее. Но, повторяю, на пути к ее осуществлению у нас еще множество трудностей. Надо бороться и помнить, что жареные утки не летят сами в рот — придется еще многое претерпеть и быть готовыми к любым испытаниям. Тем более, что именно в испытаниях крепнет и мужает человек.

**Корр.** Большое спасибо вам, Евгений Иосифович, за участие в нашей дискуссии.





Рисунок  
Вениамина  
КОСТИЦЫНА

Отец круто остановился передо мной, моргая, как от горького чада. Он смерил меня прикидным взглядом, будто задымившуюся печку.

— Не может такого быть, чтобы у нас там не нашлось применения твоей голове по интересу, — ответил он раскатисто и сощурился. — А кроме того, ты окажешься куда ближе к Питеру.

— Это не определяющий момент, — пробормотал я, натягивая на себя личину наблюдателя. — И вообще расстояние здесь ни при чем.

Но отец как старый фронтовик-разведчик уже сообразил, что нанес крепкий удар по сынку. Все в доме знали о моей дружбе с Кирой Циферовой, вспыхнувшей в десятом классе. Вслух не говорили об увлечении их студента, но многозначительные подхихикивания сестренки были красноречивей слов. Проказницы прочитали, конечно, и дневник брата, как тщательно ни прятал я эту невзрачную общую тетрадь, правда, исписанную четким почерком, с рисунками, виньетками и подчеркиваниями. Прочитали и доложили родителям, о чем затаенно думает их будущий инженер-геолог, о чем мечтает, что чувствует, как относится к друзьям Калику и Феде и в особенности к надменной Кирушке, уехавшей из посконной Сибири учиться аж в Ленинград.

И все домочадцы поняли, что хозяин берет верх, его трудно остановить.

— Когда же ты собираешься ехать в Курск? — оторвал Николая Изотовича от раздумий вкрадчивый голос жены, которая отвлекала на себя внимание хозяина, чтобы старший сын мог сосредоточиться для ответного хода.

— Жалко, отпуск использовал, — закачался отец, — а то бы на днях и махнуть... Без содержания не дадут — самое ремонтное время!

— Отпускные промотала я, — пригорюнилась жена. — Ластикку платьице справила, Алевтине сапожки «со смехом» — мода пошла, Юрочке на ремонт баяна пришлось добавить. Женя книжки выкупил подписные... Дети — одно разоренье, сам знаешь, Коль. Можешь посчитать.

— Да знаю, чего там пересчитывать... Подхалтурить придется вечерами, до следующего отпуска подкоплю деньжонок.

— Правильно, отец!

— Вот это по уму!

— За год мало ли что случится...

Николай Изотович, присевший было на стул, подскочил, будто под ним оказался гвоздь.

— Ничего не случится! — выкрикнул хозяин, и по лицу его запрыгали гребешки. — Две беды подряд, что ли?

— Не в том дело, Коль, — мягко стелила хозяйка. — Тот дом может тебе в такие затраты влететь, что легче новый купить!

— Дед не зря без завещания помер, — вторил я глубокомысленно. — Явно лягнуть тебя напоследок хотел!

— Чтоб ты начал грызть из-за имущества, отец, — поддакнул Юрий.

— Перестаньте покойника охаивать! — прикрикнул отец. — Я ему сын родной все ж таки! И совесть у него была, хоть и глубоко запрятанная.

— Да мы что, — заволокла Алевтина резкостью отцовских слов своим голосом, — мы тебя не хотим дать в обиду, папа. Следовательно, прислушайся к нашим советам...

— И на всякий случай ознакомься вот с соответствующими статьями по наследственному праву, — добавил я и потряс книжечкой.

Николай Изотович походил между женой и детьми, обрушивая на каждого самый неистовый взгляд: не заговор ли против него в семье? Но лица родных оставались спокойно-сочувственными. Можно было продолжать совет. И он, подозрительно косясь на старшего, с опаской взглянул на заглавие книжонки. На обложке невзрачной этой книжечки было вытиснено красными буквами строгое название под гербом: «Гражданский кодекс РСФСР».

Раскаленными головнями сыпались на Николая Изотовича казенные слова, которые вдруг стали определять его связь с родным гнездом. Да, его Женя не лыком шит: подготовил-таки мину, знает, буквоед, что отцу-недоучке вся эта писаная законность — острый нож к горлу.

— Ну, почитай, — попросил отец сына упавшим голосом, — что там сказано относительно нашего случая.

— Твоего случая, пап, — уточнил я, раскрыл кодекс и начал нараспев излагать соответствующие статьи о правопреемстве.

— Признается, что наследник принял наследство, когда он фактически вступил во владение наследственным имуществом или когда он подал нотариальному органу по месту открытия наследства заявление о принятии наследства.

Указанные в настоящей статье действия должны быть совершены в течение шести месяцев со дня открытия наследства».

— Выходит, надо подавать заявление? — раздумчиво протянул отец, которому составить любую бумагу тоже было, словно серпом по сердцу.

— Да, батя, придется писать самому, чтоб начать раздел, — заметил Юрий. — А то попадешься, как кур в ощи!

— Ну, ботать — не работать, — произнес отец хорохористо. — Как-нибудь нацарапаем.

# ЗЕМЛЯ МОЯ— СУДЬБА МОЯ

Я удовлетворенно обмахнулся книжечкой, мигом нашел другую статью и прочитал все с той же пародийно-судейской певучестью:

— «Не допускается принятие наследства под условием или с оговорами».  
— У меня только одно: чтоб дождались меня,— буркнул отец.— Не ближний же свет. Сезон ремонтный. Надо же печи по всей дистанции отремонтировать, чтоб зимой люди не кляли печника.  
— «Статья пятьсот сорок семь. Продление срока для принятия наследства».— Я многозначительно поднял книжечку на уровень глаз, будто давно знал о существовании такого раздела, да чуть подзабыл.— «Срок для принятия наследства, установленный статьей 546 настоящего кодекса, может быть продлен судом, если он признает причины пропуска срока уважительными...»  
— А у тебя разве для суда уважительные причины, Коль?— подала голос мама.— Суду на твои печки наплевать.  
— А на меня?— зарычал на жену хозяин, будто она была на стороне мачехи.— Или я не ждал столько лет отцовского вызова, чтоб примириться с ним? Или сердце мое— курушка, чтобы сразу за наследством кидаться? Или у рабочего человека два отпуска в году? Или же из Сибири до Курска рукой подать?!  
— Да, папа, у тебя причины веские,— вмешалась Алевтина, незаметно подмигивая остальным.— только ты напиши нотариусу подробное письмо с объяснениями, почему сейчас не можешь принять наследство, и что приедешь в следующий отпуск по этому вопросу с некоторым опозданием. Да отправь с уведомлением!  
Отец нащупал в кармане душегрейки узкую пачку «Дымка», чиркнул зажигалкой и закурил, тяжело посапывая носдрямя.  
— Предупредить надо... Пусть помнят: в Сибири живы-здоровы наследники. Не шутка— дом о трех комнатах, с флигельком, застекленной теплой верандой, на каменном фундаменте, двор, огород, сад... Здесь когда еще подойдет очередь на благоустроенную, а там свой дом!  
— Из окон видны пригородные сады, сады...— зашлась жена в долгом вздохе.  
— Так чего откладывать,— засуетился отец,— сейчас и написать письмо! А?  
— Пиши своим почерком, батя,— зевнув, заметил я,— и своим языком, чтоб в случае чего надежно было.  
Юрий развел руками, на которых волнисто взыграли пальцы, всем своим видом давая понять: «Тут, отец, я не помощник тебе».

Алевтина сказала, что с этими разговорами они совсем забыли про огород, картошка останется недосаженной.  
Ластик тут же сорвался с места и загремела на кухне ведрами.  
Отец смотрел на детей с грустью: им не хотелось связываться с отцовским наследством. Курское прошлое тяготило их. Они привыкли к здешней земле. Свое будущее мыслили только здесь. Из приличия лишь сочувствовали терзаниям отца.  
«Но я-то сам хозяин здесь или нет?— спросил себя Николай Изотович и ответил, набьившись:— Глава я! И должен вывести детей к благодатному берегу! И рыба выживает в небогалопопучном озере, да мельчает при этом. И треба вернуть ее в родную воду, чтоб выросла до прежних статей! И разве не благое дело— вернуть детей своих на землю предков?»

А сыновья и дочери торопились к выходу, теснясь в дверях, незлобиво поругиваясь и шпыняя друг друга на ходу. Девчонки не уступали парням. «Совсем как маленькие,— подумал Николай Изотович, закуривая новую сигарету.— И плутуют, как малыши... И по старику никакой печали. Вот чего ты добился, Изот Михайлович! Внукам твоя смерть, будто пуговица оторвалась от старой телогрейки. Не хотел бы я такого конца и подобной памяти».

Порастряс и Николай Изотович Сипеев свой отцовский авторитет в неудачных порывах, напрасных надеждах и нелепых выходках. Все старался как лучше, а получилось хуже. Себе хотел подъема на должную высоту, детям—справной жизни. А получилось: сам скатился в Сибирь, жене испортил столько крови, а дети выросли на подножном корму. И сейчас они ловко отделались от отцовской заботы, с шуточками и прибаутками пошли засаживать огород. А ведь не работа уже для них это, просто случай вспомнить свое картофельное детство, привычка, как у него к куреву, правда, иного рода.

Он припал к оконной раме, озирая огород. Всего-то пять соток, окруженных серым частокольчиком. Но если вовремя покопаться на этом пятячке, то к осени он щедро покроется кустиками картофельной сочной ботвы, потянутся к солнцу грядки помидоров, подлртых палочками, зарадует глаз зеленая щетина лука, полезут из рассадника огуречные плети и снова взгляд притянут к себе кучерявые рядки картошки... Она, родимая, и выручала всех до войны, во время и после. И дети шли сейчас по пустынному огороду осторожно, как танцоры по сцене. Прошлогодней пожухлой картофельной ботвой они восхищались сейчас больше, чем внезапной жизненной окрыленностью своего отца. Они уже не верили, что их папаша способен поселить семью на законных основаниях в наследном доме, где в огороде прямо на грядках зреют помидоры, а яблони протягивают в окна антоновку и золотой налив.

— Эх, брильянт грюн-алле!  
— Тише вы— услышит...  
Они покосились на окна, засмеялись и перешли на полголоса.  
— Пусть их,— виновато заметила жена,— повырастали— никто им теперь не указ.

— Нет, я укажу,— забормотал Николай Изотович, глядя на солнечное пятнышко-зайчик на стене от надраенного ведра в огороде.— Пусть не думают... Если в грамоте родителей перецеполяли, так отец и не нужен? Пусть не зазнаются! У меня с моим стариком получилась катавасия, так это не довод! Я наверстаю! Это здесь я растерял силу. А там соберу... На родной земле все возвернется. Там я натворю... Вспомнят еще Фокусника! Его Брильянт грюн! Не на манеже, так в жизни!

И под ахи жены Николай будто выдернул из воздуха синюю авторучку. Потом приблизился к солнечному зайчику и вроде снял его со стены— в руках его оказался чистый листок бумаги. Вот уж воистину Сипеев-старший был на подъеме: давно ему не удавались такие чудеса. Видно, от напряжения мыслей, боли сердца и нервной встряски вернулось к нему на миг фокусное чудодейство. Правда, авторучка с расколотым колпачком не писала, сколько он ни встряхивал ее. Пришлось жене искать в портфеле Алевтины ее вечное перо.

Николай Изотович же в это время осторожно подтянул к себе кодекс, оставленный на столе, и раскрыл его на заложеном красном карандаше. В глаза бросилась жирно подчеркнутая статья 550. «Отказ от наследства». Взгляд неодолимо повело вдоль строчек, словно мастер печного дела выискивал изъяс в фигурной кладке. Но в этом Гражданском кодексе все было сцеплено по уму.

«Наследник по закону или по завещанию в течение шести месяцев со дня открытия наследства вправе отказаться от наследства. При этом он может указать, что отказывается от наследства в пользу других лиц из числа наследников по закону (статья 532) или по завещанию (статья 534), в пользу государства или отдельной государственной, кооперативной или общественной организации...»

Наследник задумался над чистым листом бумаги. Надолго задумался. До самого того момента, как, глубоко вздохнув, написал заявление об отказе от своей доли наследства в пользу мачехи.



Сергей ЗОЛотов

## Замкнутый круг

*А тишина...  
Такая тишина,  
как будто нет ни норда,  
ни зюйд-веста.  
О борт тихонько шлепает волна,  
а мы...  
Мы не находим себе места.  
Нам неуютно с этой тишиной.  
Мы ищем даже в ней приметы шторма.  
— И месяц что-то вроде не такой...  
— И тучи на закате были черные,  
а солнце в них садилось.  
Ты видал?  
— Вот-вот...  
— А у меня колено ноет...  
— Барометр еще вчера упал...  
— И чаек тоже что-то беспокоит...*

*А море сонно плещет за бортом,  
обманчиво спокойно и покорно.  
Так и живем.  
Сначала— шторм.*

*Потом...  
Нет-нет, не штиль—  
лишь ожиданье шторма.*

## У братской могилы

*Здесь тысяча двести гвардейцев лежат,  
тысяча двести.  
Тысяча двести молчалих солдат,  
вы слышите песни?!*

*Песни о вас,  
кто свои не допел,  
не досмеялся.*

*Песни о вас, кто, как факел, горел,  
но не сдавался.*

## Рейс как рейс

*Упрямо море нас качало  
все девяносто дней.  
Оно, злорадствуя, ворчалло:  
— Вам не видать своих причалов,  
посмотрим, кто сильней!*

*И все штормило,  
все штормило,  
зля самое себя.  
Волною в борт нещадно било,  
все, что лежало плохо, смыло,  
в пучине погребя.*

*Но мы упорно пробивались  
сквозь этот рев и вой.  
И только желваки вздувались,  
когда вершины волн вздымались  
у нас над головой.*

*И, наконец, над дикой пеной  
прорезал мглу маяк,  
невозмутимо и степенно  
освобождая нас из плена  
всех наших передряг.*

*Мы жадно за лучом следили,  
боясь его сплунуть.  
До дома—  
считанные мили.  
Весь рейс мы этой встречей жили.  
Еще чуть-чуть...  
Чуть-чуть...*

*И, запахнув плотней зюйдвестку,  
обдернув рукава,  
заметил боцман Нильч веско:  
— Ну вот и все.  
Почти на месте.*

*Дошлепали, братва!  
А через месяц все сначала...  
Ну что нас держит здесь?*

*Морская публика молчала.  
Упрямо море нас качало.  
Заканчивался рейс.*

В течение нескольких лет на страницах «Смены» публикуются стихи участников конкурса одного стихотворения. И в этом году со своими первыми поэтическими опытами в журнале выступили самодеятельные поэты — рабочие, инженеры, журналисты, военнослужащие из многих городов и сел страны. А всего в редакцию было прислано стихов на конкурс свыше 2000.

Конкурс проходил под девизом «Земля моя — судьба моя». Жюри с удовлетворением отмечает, что тема эта понята участниками широко и нестандартно: в опубликованных стихах самодеятельные авторы воспели Отчество, родной край, милые каждому сердцу уголки русской природы.

Победителями конкурса за 1984 год жюри признало Сергея Золотова (Баку) и Анатолия Тучина (Москва).

Коротко о победителях. С. Золотов — капитан водолазного судна на Каспийском море. Первая его литературная публикация — в 1972 году в газете «Вышка», когда он был членом литературного объединения «Родник». Затем регулярно выступал в республиканской периодической печати. Его стихи глубоко лиричны, окрашены высоким гражданским чувством.

А. Тучин работает вальщиком в монтажном управлении Московской железной дороги. Служил в армии, несколько лет работал на Крайнем Севере. Стихи начал писать недавно, однако они обратили на себя внимание. Им присущи искренность, теплота и задушевность.

Напоминаем, что конкурс одного стихотворения продолжается. Его условия: принять участие в нем могут все, кто пишет стихи (не члены Союза писателей СССР); обязательно указывайте профессию, фамилию, имя, отчество, возраст, домашний адрес; присылайте только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премией — годовой подпиской на «Смену».

Ждем ваших писем.

## Полярные березки

Под нами Заполярье.  
Склоны, скалы  
в застегнутых до подбородка мхах.  
Здесь ситца трав даже весною мало.  
Все правильно.  
Куда теплей в мехах.

Внизу ветрище кустики мотает,  
невзрачные  
и гибкие, как плеть.  
С улыбкой стюардесса приглашает  
«березовую роцу» посмотреть.

И мы,  
как будто чудо открывая,  
забыв на время о своих делах,  
глядим,  
как в этом неуютном крае  
растут березки на семи ветрах.

Пусть не невесты,  
как у нас в Поволжье, —  
наряды здесь,  
меж сопок,  
ни к чему.

Они скромней,  
корявее  
и все же  
стоят в своем,  
в березовом дыму.

Они и в этом климате прижились.  
А может быть,  
не так уж  
страшен черт?!

Пилот, будь другом,  
покружи еще нас,  
не убежит от нас аэропорт.

Пилот,  
будь другом,  
дай нам разобраться  
и в совести  
и в памяти своей,  
чтоб научиться жить  
и утверждаться  
у этих хрупких,  
слабеньких  
ветвей.

## Подвахта

Подвахта —  
это значит быть готовым  
прийти на помощь,  
если друг устал.  
И просто взглядом  
или добрым словом  
раздуть его чуть тлеющий запал.

Ты нужен.  
Понимаешь, очень нужен!  
А отдых,  
он не гордый,  
пождет.

Ты недоспал?  
Давно остыл твой ужин?  
Но это мелочи,  
которые не в счет.

Они потом окупятся с лихвою...  
Ну, а сейчас  
давай-ка шевелись!  
Скорей туда,  
где над крутой волною  
тебя уже ребята заждались.

И громче шутки.  
И прямее плечи.  
И даже океан заметно стих.

И кажется работа  
втрое легче,  
когда ее разделишь на двоих.



Рисунки  
Андрея МАРТЫНОВА



Анатолий ТУЧИН

## Гжель

Десятки деревень (а кратко — Гжель)  
известны сотни лет. Но и теперь  
народные умельцы здесь живут,  
прославив Гжель и вдохновенный труд.

И синий цвет ложится на фарфор,  
и синий — черному — всегда наперекор:  
и небо — синее, и синие глаза,  
и — синевой — случайная слеза.

Иду я в Гжель сквозь говорок на «у»,  
резных наличников я вижу бахрому,  
вдали над речкой в синеве — кусты  
и, тоже синие, знакомые мосты.

По ним спешат весь день грузовики,  
на миг мелькая в зеркале реки.  
А заводские рвутся корпуса,  
как раньше церкви рвались в небеса.

Мне стала Гжель понятна и близка,  
как чистая вода из родника,  
который издавна мы творческим зовем  
и силы из которого берем.



Меня порой подстерегают  
обиды близких и друзей,  
и мысль тревожная блуждает  
усталой памятью моей.

Я вспоминаю все сначала,  
свои ошибки ворошу  
и к долгожданному причалу,  
как лодка утлая, спешу.

Я для того и боль падений  
в далеком детстве постигал,  
чтобы теперь багаж сомнений  
со мной по жизни кочевал.

Чтобы всегда в момент удачи  
меня он трезвостью студил,  
чтобы в чужом и горьком плаче  
и я ранимым сердцем был.

И потому хожу я твердо,  
не задирая головы,  
что отношусь к падениям гордо,  
и выхожу всегда «на вы».

## Прощание с летом

Я дождусь — будет вновь солнцезарное лето  
и опять поплывут в синеве облака,  
будет запах степного горячего ветра  
и в тени камышей затанцует река.

Я дождусь — будут снова росистые зори,  
будут плыть из тумана ко мне острова,  
и опять упадет по широкому взгорью  
под звенящей косой молодая трава.

Я дождусь — и пойду босиком через речку,  
оставляя следы на прибрежном песке,  
но однажды опять я нежданно встречу  
сероглазую осень в цветастом платке.



Пошел в атаку белый снег  
из мглы небес  
на хмурый лес.  
Шел на зеленые штыки,  
шел на короткие клинки,  
бросал шинели на забор,  
оврагам шел наперекор.  
И сеть колючек вдоль канавы  
шиповник ставил, как заставы,  
и встали дымовой завесой  
березы вдоль опушки леса.  
Но шел в атаку белый снег  
из мглы небес  
на хмурый лес.  
Тогда могучие дубы  
решительно взметнули лбы  
и выгнули крутые плечи  
штурмующим ветрам навстречу.  
Но белый снег из мглы небес  
пробился сквозь дымки завес  
и сквозь зеленые штыки,  
прошел короткие клинки,  
укрыл сугробами забор,  
овраги застелил, как двор,  
сковал дубам их лбы и плечи,  
и лесу защититься нечем.  
И сдался в плен осенний лес  
пришельцу северных небес.



## В тайге

Дремлют сосны на мохнатых лапах,  
над рекой суглинок морщит лоб.  
старый кряж в гнилушках,  
как в заплатах,  
держит снега смерзшийся сугроб.

Ранний сумрак тенями струится,  
вдаль уходит ломкая лыжня,  
хочется скорей остановиться,  
посидеть у жаркого огня.

Но еще и в сумраке заметен  
рысий неразгаданный секрет —  
вдоль неясно видимых отметин  
сквозь тайгу направивший след.

Я спешу, но хмурая поземка  
вдоль опушек быстро проползла —  
и заледенелая тесемка  
мне под кедром руки обожгла.

Темный лапник брошен для постели,  
свежий чай и горек и душист,  
и уходят к звездной колыбели  
из-под бревен мириады искр.

Чутко спит усталая собака,  
рвутся кедры, раскорматся, ввысь,  
и вдали от круга Зодиака  
все крадется северная Рысь.



рабле», — считал адмирал Макаров. Оказавшись в открытом море, порой промокший до нитки, продрогший, измученный морской болезнью, паренек решает окончательно и бесповоротно: «Тяжело, но это мое, буду моряком!» Или, пряча глаза от товарищей, умоляет судьбу: «Только бы до берега добраться»...

Юношеские мечты о плавании под

**ИДЕТ СБОР  
ПОДПИСЕЙ  
ПОД ПРИЗЫВОМ ЗА МИР.**

# ХОЖДЕН ЗА МОРЕ

Юрий ИВАНОВ.  
Фото Глеба КОСТЕЦКОГО

**Ч**ерт-те что, ветер должен отходить, а он заходит! — сокрушался Алексей Борисович Перевозчиков, капитан «Седова». Он расхаживал по мостику, глядел вверх на обмякшие паруса, и лицо у него было встревоженным. — Так хочется удержаться в семидесяти процентах, а он, стервец, играет с нами! По прогнозам, ему уже давным-давно пора быть за кормой, а он заходит в нос, видите?

Вижу. Флюгерок, укрепленный на клотике первой грот-мачты, развернулся чуть ли не навстречу нашему движению. Ветер не жмет в паруса, он их лениво обтекает. А так надо сохранить эти семьдесят процентов, то есть время хода только под парусами. Мы в наших планах и мечтах готовимся к очень дальним плаваниям.

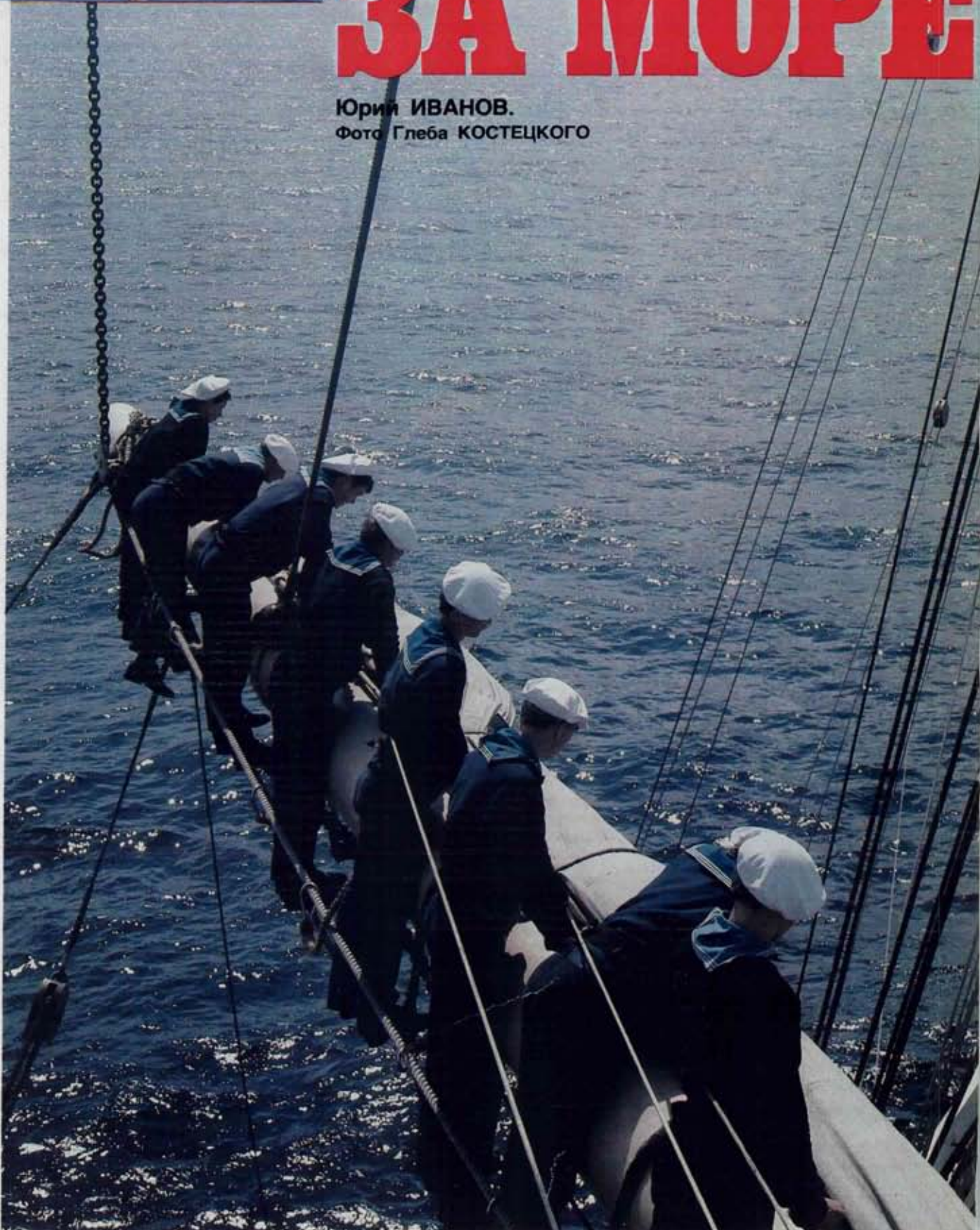
На мостике появляются старпом Максимов, старший штурман Цауне и старший боцман Ловцов. Стоим глядим вверх, а боцман Ловцов — на капитана, и взгляд его полон тревоги. По прибытии в порт судно становится в ремонт. И чтобы под дождем и снегом паруса не сгнили на реях, их «срезают» (такое ужасное слово!), убирают в кладовые. Капитан нервно ходит взад-вперед, он все понимает. Хлынет ливень, паруса намокнут, их нельзя «срезать», пока не просохнут, а чтобы они просохли, надо идти под парусами, а чтобы идти под парусами и успеть к назначенному сроку в Ригу, нужен попутный ветер, а ветер — вот напасть — крутится вокруг...

— К ночи ветер отойдет за корму, — с неожиданной уверенностью говорит капитан. — И мы побежим! А если дождь и будет, то не долгий, просушим паруса.

...— Курсантам делать зарядку, — звучит команда с мостика.

Курсанты в тельняшках высыпают из кубриков, взмахивают руками, приседают, бегают. Один из парней улыбается мне. Помню, в начале рейса он признался, что у него не хватает смелости подняться на грот-мачту, ведь в ней почти шестьдесят метров! Даже до марсовой площадки вскарабкаться не хватает духу. А спустя некоторое время он похвастался: «Поднялся на марсовую. Все во мне дрожало, но я карабкался!» Минуту еще несколько дней, и он сообщил: «Думал, что помру от ужаса, когда лез на салинг: полста метров вниз! Палуба узенькая, вода, чайки... они пролетают вниз, а я — выше птиц!» Настал час, и я увидел парнишку уже на готарее. В тот день он сказал: «Что готарей! Вот бы добраться до бом-брам-рея, к самому его ноку!»

Может, это и было главным в рейсе, когда десятки мальчишек преодолевали страх, закаляли волю, характер? «Настоящего моряка из мальчишки можно воспитать лишь на парусном ко-



парусами... Не анахронизм ли это в наш век? Нужны паруса, нужны парусные суда — в один из счастливейших для «Седова» и «Крузенштерна» (оба — четырехмачтовые барки) дней решили в Министерстве рыбного хозяйства СССР, ибо как юному человеку жить без мечты, без окрыленности духа?

После ремонта «Седов» и «Крузенштерн» отправились в плавание. Девяносто тысяч миль покрыл «Седов» за последние три года. Более полтора

**ПАРУСНЫЙ АВРАЛ.**



тысяч курсантов прошли на нем производственную практику и получили тут первую свою морскую специальность, сдав экзамены на матросов. В восемнадцати портах тринадцати стран мира побывал корабль, семьдесят пять тысяч человек посетили его борт, восхились красотой судна и той работой, которая на нем проводится. Простые рабочие и премьер-министры, гимназисты и монахи, студенты и послы — кто только не побывал на судне, и это замечательно: «Седов» теперь не только учебное, но и представительское судно нашей великой морской державы, нашей страны. Какое восхищение, к примеру, вызвало появление «Седова» в Копенгагене!

Но вначале мы побывали в Архангельске. Под звуки оркестра «Седов» отшвартовался у почетной Красной гавани. Он встал там, где когда-то прощались с Архангельском «Св. мученик Фока». Скинув фуражку, стоял на его мостике высокий, с бородой клинышком, в белом офицерском кителе моряк. Это был Георгий Яковлевич Седов, отправляющийся в свое рискованное плавание, в свой отчаянный и трагический поход к Северному полюсу.

**В ГОСТЯХ  
У КОМАНДЫ  
ЮНЫЕ  
МОРЯКИ-СЕВЕРОМОРЦЫ.**

Знамена, транспаранты. Тысячи архангелогородцев с восторгом и волнением встречали наше судно так, как встречали бы самого Георгия Седова, вернулся он из ледяных широт Заполярья. Да это и был он, перевоплотившийся в корабль человек, чья страстная мечта о полюсе, чей высокий дух морских плаваний и вечного поиска живет на судне.

...Разносится звон судового колокола.

Быют склянки. Идет дождь.

— Начать малую приборку! — звучит команда. — Палубу продраить с песком и скатить.

Заложив руки за спины, курсанты «танцуют» по сырой палубе, дряют ее кто голиками, кто специальными кирпичами... Просто работа и просто учеба — это тоже слагаемые рейса. Учеба в классах, на вахтах, в штурманской рубке и на ходовом мостике.

— Гляди, мужик, как вяжется простой беседочный узел, — наставлял курсанта старший матрос Михайлов. — Вначале тянешь кончик вот сюда, потом туда... Ну-ка, повнимательнее, а то завалю на экзамене.

Сопит «мужик», худенький глазастый



**«НАС ДРУЖБА  
КРЕПИЛА КАНАТОМ».**

**ТРУДНЫ  
ПЕРВЫЕ ШАГИ  
НА РЕЯХ.**

**ПОПУТНОГО ВЕТРА!**









**СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ДЕЛО  
В СТРАНЕ СЕГОДНЯ—  
ЭТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ СБЕРКАСС,  
КОТОРЫЕ ОКАЗЫВАЮТ ДЕСЯТКИ ВИДОВ УСЛУГ.**



**Петр НОВИКОВ.**  
Фото автора

# ВАШ СЧЕТ №...

**П**роблема — в деньгах. На Волжском автозаводе могут одновременно пообедать более тридцати тысяч человек, однако социологи установили, что так бывает лишь сразу после зарплаты. За несколько дней до получения продолжают обедать меньше половины рабочих. Коллектив ВАЗа молод, а в двадцать — двадцать пять лет далеко не все умеют соотносить свои расходы с доходами... А кому не знакома экстренная ситуация, когда нужна, но дорогая вещь вдруг объявилась в ближайшем магазине, а требующейся суммы в доме нет?

Денежные затруднения, с которыми сталкивается молодая семья, наводят на простую мысль: надо уметь копить. Число сберегательных касс в стране достигло восьмидесяти тысяч, и мы, население, доверили им хранение более чем 187 миллиардов своих рублей. Убеждать кого-либо в том, что сберкасса — это удобно и выгодно, в наше время нет необходимости. Убеждать нужно в другом. В том, что работники этих учреждений могут снять с наших плеч немало излишних хлопот.

Современная государственная трудовая сберегательная касса — это не просто хранилище денег. Мы знаем, что отданные на хранение рубли не лежат мертвым грузом, а участвуют в кредитовании, тем самым и в укреплении экономики. Сберкассы помогают финансистам уменьшать находящуюся в обращении денежную массу, которая сама по себе требует забот, и притом немалых. Шутка ли, одной зарплаты, например, на ВАЗе приходится каждый раз получать, охранять, выдавать — страшно подумать — четыре кубометра!

Специалисты подсчитали, кстати, что бумажный рубль, ходящий по рукам, «срабатывает» за восемь месяцев. И пересчитывать большие массы денег — занятие не только хлопотное, но и негигиеничное. Собранные в банке деньги, бывшие, так сказать, в употреблении, пахнут неприятно, и кассирам, работа-

ющим с ними, положен спирт для периодической дезинфекции рук.

Современная сберегательная касса — это счет без счет. Выбросить, конечно, не выбросили известные всем кассетники, держат еще в дальних ящиках старые кадровые работники: им к новой технике привыкать труднее. А молодежь безо всякого внутреннего сопротивления успешно осваивает электронные бухгалтерские автоматы и контрольно-регистрационные машины.

В Москве сейчас идут испытания первой полностью автоматизированной системы обработки информации сберегательных касс столицы. Это своего рода прототип будущей организации сберегательного дела по всей стране. Существенно сокращается объем ручной работы, повышается качество и количество выполняемых операций. А значит, сберегаются не только наши деньги, но и наше время.

— Сегодня мы не можем обойтись без энергичных, грамотных, специально подготовленных молодых людей, — говорит заместитель председателя правления Гострудсберкасса СССР Станислав Сергеевич Лопатиев. — Десятки тысяч комсомольцев отлично работают в нашей системе, но, увы, даже в одной из лучших областей — Днепропетровской — к молодежи можно причислить лишь немногим более трети общего состава работников...

Конечно, стихийно сложившийся образ скучной «девушки в окошке» не способствует росту престижа этой профессии. Но свидетельствую: появление новой техники в небольшой степени меняет характер труда. Электроника высвободила женщин (а их среди работников сберкасс 95 процентов) больше времени, как они считают, для творческой работы. Ведь любая конкретная помощь людям, согласитесь, это всегда в какой-то степени творчество. Большая заинтересованность в результатах труда у работников появляется и с введением сдельно-премиальной системы его оплаты, которую практикуют сейчас 3600

сберкасс страны. Вместо прежних 110—120 рублей они смогут зарабатывать примерно на треть больше. Для нас эта мера означает ликвидацию очередей. Ведь, по новым условиям, не просто разрешено помогать подруге, за стойкой у которой образовалась очередь, такая производственная взаимопомощь стимулируется материально.

Таким образом, у «сберегальщиков», как они себя называют, появляется больше желания не только для быстрого выполнения операций, но и для того, чтобы в свободную минуту сообщить клиентам новости сберегательного дела, а это, в свою очередь, помогло бы экономить время и нам.

Сберкассы могут сейчас и взаимно дать — открыть целевой кредит на солидную сумму для покупки дорогой вещи. И не надо бегать по друзьям и родственникам. Правда, это пока эксперимент.

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как на Белорусском автозаводе начался эксперимент по выплате зарплаты рабочим двух основных цехов через сберкасс. Десятки крупнейших предприятий страны, миллионы рабочих и служащих теперь и не мыслят иной формы получения платы за труд. Причина, которая натолкнула работников сберкасс на подобную инициативу, лежала в общем-то на поверхности. И не только в Белоруссии.

Сотрудники Института экономики Уральского научного центра АН СССР провели обследование статей расходов молодых рабочих, проживающих в общежитиях одного из уральских городов. Тут-то и выяснилось, почему многим из них перед самой зарплатой тоже не хватает на обед. Оказалось, что на всякого рода праздники у молодых, но квалифицированных, с достаточно высокими заработками рабочих уходит примерно пятая часть зарплаты. В стране живут в общежитиях примерно пять миллионов несемейных людей. Практически все они находятся в возрасте, когда создаются семьи. Нетрудно понять, откуда берутся первые материальные трудности молодых.

— Помимо того, что перестала падать, как это бывало раньше, производительность труда одной-двух смен после получки, — рассказывает директор шахты «Юбилейная» объединения «Павлоградуголь» Николай Васильевич Неверов, — мы полностью освободились от потерь рабочего времени в дни выдачи денег. Ведь сберкассы и по месту работы, и по месту жительства работают в часы, удобные для всех трех смен. Более ста нештатных кассиров занялись своим прямым делом. А ведь их еще по два-три дня, пока не раздадут деньги, охраняли дружинники из числа работающих на шахте! Так что выгода от нововведения огромная...

По данным 1983 года, в сберегательные кассы для выплаты денежных заработков трудящимся перечислено свыше десяти миллиардов рублей. И что же? Сразу вся зарплата оказалась «ненужной». Более того. Почти миллиард рублей вообще остался на счетах по вкладам.

Вот что может дать стране лишь одна инициатива работников сберегательных касс. Теперь в том же Павлограде, например, руководство местного машиностроительного завода просит городское руководство сберкасс открыть специально рядом с заводом еще несколько сберегательных касс, обещая помочь с помещениями и оборудованием. И есть надежда, что у горняка не возникнет особой проблемы с деньгами, если вдруг подвернется горящая путевка в круиз или возникнет любая другая необходимость, что называется, культурной траты денег.

...А сберкассы между тем не успокаиваются на достигнутом. С февраля нынешнего года по стране внедряется новый, «быстро накопительный» вид вклада — молодежный премиальный. Об условиях его вам с удовольствием расскажут в ближайшей сберкассе. Еще одна новинка — срочный вклад с дополнительными взносами. А еще появились денежно-вещевые выигрышные вклады...

Нет, кто — куда, а я — в сберкассу!

**В**енчались тайно. Половине Москвы съехаться бы впору к обручению первого российского вельможи, а у Симеона Столпника, что на Поварской, в осенний тот день 1801 года было буднично. Кроме священника с малым причтом, поспешно отправлявшим службу, молодых да нескольких дворовых, самых близких невесте, не было в церкви никого, и разве нищим на паперти, пошереметевски щедро одаренным, мог показаться день тот праздником.

Нет, не наскоком гусарским и не лихим увозом привел к алтарю граф Николай Петрович невесту. Любовь была, подлежащая тайне; тайне покрыть надлежало и обручение, столь долго ожидаемое. Из церкви вышла Прас-

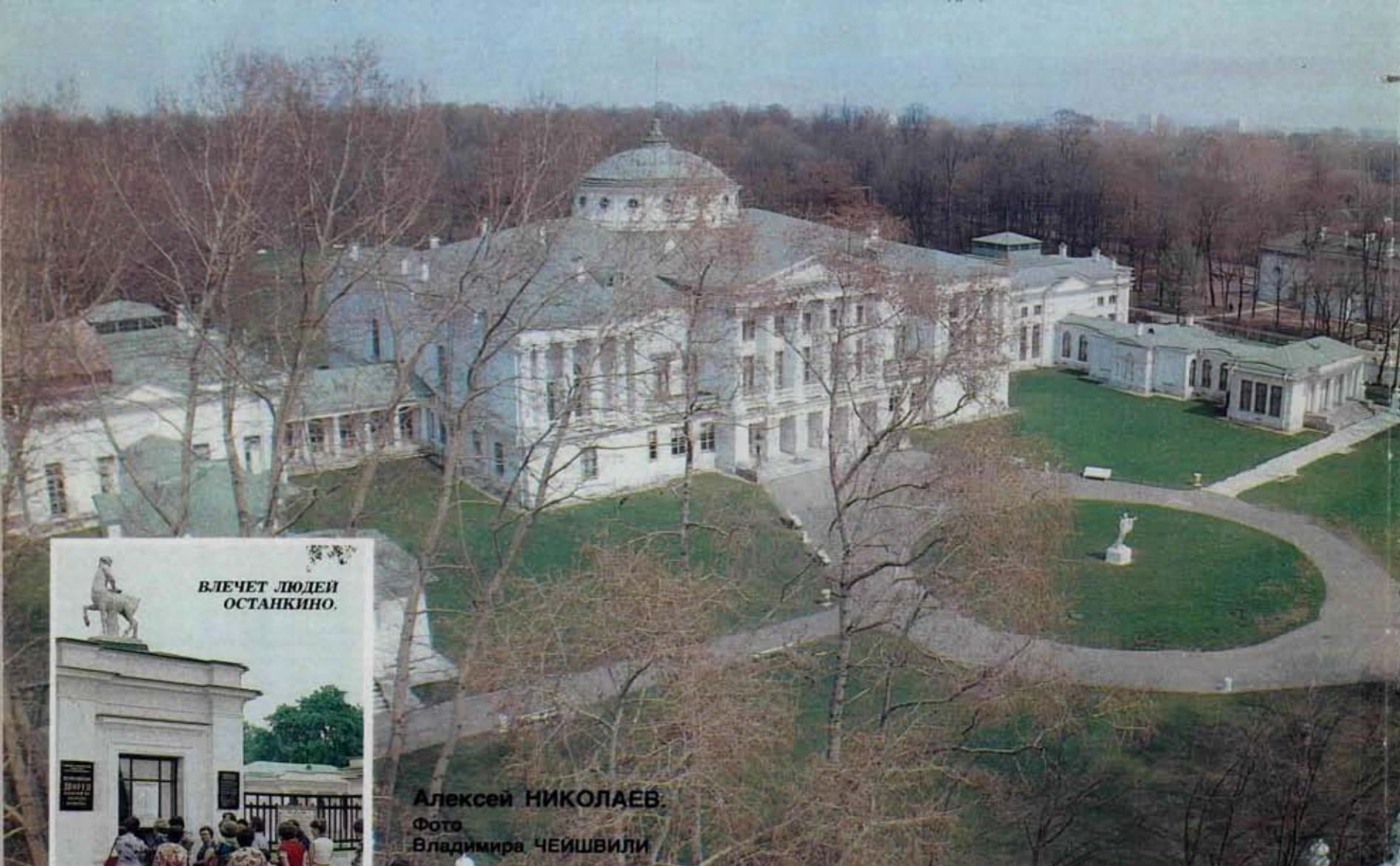
обильными рощами и темными дебрями, в ту пору по Троицкой дороге, по которой хаживали московские владыки грехи замаливать, на куличках где-то значилось за неким немчином Орном «Осташково на суходоле». Времена давние, подробностей не разглядеть, но, говорили, Грозный царь травил здесь зайцев, когда входило Останкино в вотчину думного дьяка Щелкалова. Вернее, знаем мы, что государевым указом отдано было поместье боярину князю Ивану Черкасскому.

Из рук в руки переходило Останкино в этом роду, пока частичкою приданого за последней наследницей принесено было Петру Борисовичу Шереметеву, сыну знаменитого петровского фельдмаршала, того самого, «полтавского», помянутого позтом отменным эпитетом: «...и

мерение «освободить крестьян». Дело, понятно, не могло пойти тогда дальше намерений, но крамольные речи, кому другому не сошедшие бы с рук, наказания должного не повлекли, — слава предка, да и собственные перед государством заслуги оборонили от напастей. Из дворца в крепость Шереметев не угодил, но врагов нажил тем больше, что искренним было намерение; в один голос свидетельствовали современники: если где в России и жилось крепостным сносно, то разве у Шереметевых. А далее сами увидим мы, какую роль обстоятельство это сыграло и в судьбе Останкина и в облике его, до наших дней дошедшем.

Впрочем, первый-то владелец строил в Останкине помаленьку да полегоньку; капиталов не жалел, но и душу не

вкладывал, — в любезном Кускове оставались его привязанности. А когда отошел в лучший мир, завещал единственному наследнику двести с лишним тысяч душ и по всей России поместья изрядные. Останкино же, словно оправдывая название, терялось в избыточном этом богатстве. Да и то сказать, в ту пору не входило оно приметной жемужиной в ожерелье славных подмосковных, хотя добротный дом, многочисленны службы, парк с затеями и по тем временам далеко не последнего были разбору, но с другими владениями Шереметевых, и в первую голову с Кусковым, соперничать, конечно, не могли. Кускову же равных подмосковных во всем восемнадцатом столетии было, по-ди, и не сыскать. А между тем, как ни странным это может показаться, исто-



Алексей НИКОЛАЕВ.  
Фото  
Владимира ЧЕИШВИЛИ

# СВЕТ НЕЗАКАТ

ковья Ковалева графинею Шереметевой, но не свадебный поезд, закрытая карета с темной кисеею на окнах покатила к Останкину, приюту нынешнему тайных молодоженов...

Как и судьба Параша — Ковалевой-Жемчуговой — графини Прасковьи Ивановны Шереметевой, — романтически странной вышла судьба этой подмосковной. По-иному написала бы ее история, не переплетись она так тесно с судьбами нынешних ее обитателей. На их жизнь и пришелся недолгий звездный час Останкина, рассвет его и закат, хотя начало знаменитой усадьбы уходит к временам, в памяти нашей изрядно поседевшим.

В старину далекою, когда сразу за Белым городом начинались на Москве пригородья, приселки, выселки, слободы, перемеженные полями, луговинами,

Шереметев благородный». Говорили, что отдыхал он в пустовавших своих поместьях, лишь когда не имела Россия врагов. Как и пушкинское слово, подробность небезынтересная тем уже, что дает верный свет на место первого Шереметева в российской истории, озаряя, впрочем, справедливым отблеском и дальше фамилию владельцев Останкина, если не ратными подвигами известных, то другими делами, и теперь не позабытыми.

От первого хозяина Останкина следи Шереметевы опасными вольнодумами. Это он, Петр Борисович, при дворе Екатерины всепублично высказывал на-

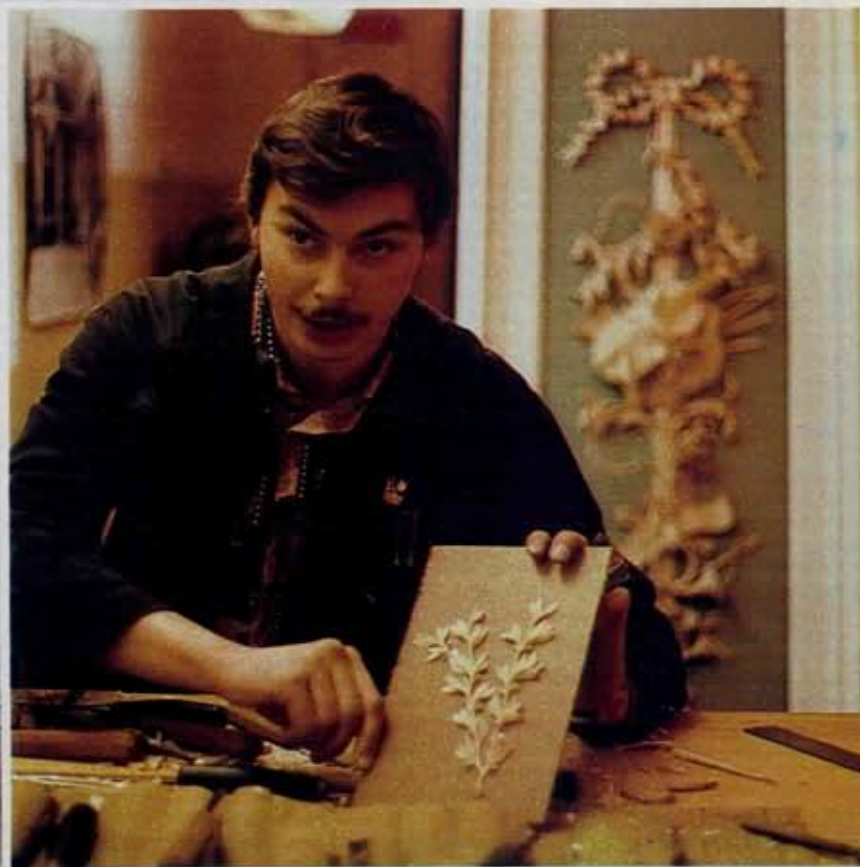
**У ТИХОЙ ГЛАДИ ПРУДА  
ЗАБЫВАЕШЬ,  
ЧТО В ДВУХ ШАГАХ  
ШУМНЫЕ УЛИЦЫ МОСКВЫ.**



рия-то Останкина началась в Кускове. Скажем больше: рассветом своим обязано Останкино закату Кускова. Вот как это было.

Куда как хорош добрый барин, и добрым словом Николая Петровича не обойти: умен был, приветлив, на помощь отзывчив (на одни пенсии тратил ежегодно двести шестьдесят тысяч), дворовых не сек. Все это так, но нет у нас намерения, да и правда не позволит делать из Шереметева Радищева. Нравы общества прививаются и к доброй душе, а придворная служба развращает и самых крепких.

Службы миновать отпрыску первого русского рода было не дано. И диво ли, что, европейски образованный (учился в Лейдене), взбежал Николай Петрович



**РУКАМИ  
ТАЛАНТЛИВЫХ  
МАСТЕРОВ  
ИНТЕРЬЕРАМ  
ВОЗВРАЩЕН  
ИХ ИСТОРИЧЕСКИЙ  
ОБЛИК.**

**ОТЗВУКИ БЫЛОГО.**



**ВИД ИЗ ОКНА  
ЕГИПЕТСКОГО ЗАЛА.**

**НЫЙ**

по служебной лестнице единым махом, не оступившись: обер-камергер — гофмаршал — действительный тайный советник — сенатор и всевозможных орденов кавалер. С таких-то высот своею охотою кто спустится, но замечено было: душевного рвения к карьере Николай Петрович не выказывал. Говорили, воле его недоставало энергии, и черта эта сыграла, видимо, свою роль, потому что все помыслы его были уйти от придворной службы.

Но куда труднее уйти от сословных привычек, и, когда удалось молодому Шереметеву оставить двор, завел он в своих поместьях ту самую жизнь, о которой в его обществе никто бы дурным словом и не обмолвился. И хотя, подобно многим своим соплеменникам, на покое не томился он в вельможном бездельи, не сумасбродствовал с вели-

кими капиталами и, как граф Безбородко, не испрашивал у государыни дозволения палить из пушек по любой прихоти, но жизнь вел праздную: «Нынче охота и лошади; завтра то же; днем охота, ночью другая...» Так бы и шло до седин, и почил бы именитый помещик в отъезде где-нибудь поле, да была у Николая Петровича привязанность, что перекрывала с лихвой иные все страсти. Был это театр — крепостной кусковский театр, в лучшем виде отцом оставленный и доведенный наследником до совершенства.

Размах предприятия, пожалуй, и не переоценить. Прикинув по нынешним меркам, увидим, что, не считая obsługi — костюмеров, парикмахеров, осветителей, машинистов сцены, реквизиторов и бутафоров, — участников спектакля в шереметевском театре бы-



**ОСТАНКИНСКИЙ ТЕАТР  
ГОРДОСТЬ ДВОРЦА.**

вало куда больше, чем зрителей в зале, вмещавшем человек до двухсот. Репертуар же, включавший оперы, балеты, драмы и трагедии, был столь велик, что императорская сцена не могла с ним соперничать, третью его часть едва осиливая. Антрепренер-француз, содержащий лучшую в России труппу, жаловался при дворе, что Шереметев вконец его разорит. Бог с ним, с французом, а вот собственный Николай Петровича театр непременно пустил бы владельца по миру, как случилось с многими его в этом деле соперниками, да выручали несметные шереметевские капиталы.

Но мало сказать, что на широкую ногу поставлено было дело, — съезжались на шереметевские спектакли первые ценители из обеих столиц, а российские государыни, сами охотницы страстные до зрелищ и знавшие в них толк, важивали с собою послов, полномочных министров, случалось, и монархов иноземных, как на первую русскую диковину.

К славе театра добавили, казалось, уже ничего невозможно, когда в ряду привычных псевдонимов шереметевских актрис — Яхонтова, Агатова, Бирюзова, Изумрудова — явилось в один прекрасный день новое имя — Прасковья Жемчугова.

Давали оперу «Колония, или Новое селение». Голубой с белым — в гамме геральдических цветов Шереметевых — зал полон был по обыкновению отменной публикой. Но знатоков, привыкших к триумфам прославленной сцены, настораживало то, что главная партия — девушки-невесты, страстно любившей своего жениха и решившейся пожертвовать собою ради его счастья, — партия, необыкновенно сложная и в вокальном и в драматическом отношении, отдана была юной совсем дебютантке. При первых тактах слышен был еще недоуменный шепот, но зал замер разом, как при явлении чуда, когда в арии, полной безысходного отчаяния, зазвучал неповторимый, не слышанный никогда голос. Казалось, великолепная музыка, роскошные декорации, феерическое освещение и блеск драгоценных камней, покрывавших костюмы, померкли разом — маленькая фигурка безраздельно царил на огромной сцене.

Чудом откровения был голос — soprano необычайной подвижности, — но с не меньшей властью завораживала зал игра — пластика движений и неподдельная искренность драматического чувства. Лишь когда дали занавес, очнулась публика от оцепенения. Зал взорвался — пудренные парики, голубые ленты на штихх золотом мундирах пришли в движение. Долго, непривычно долго даже для шереметевского театра звучало «фор»: на сцену к ногам дебютантки летели тугие кошельки; чопорные дамы торопливо стаскивали с пальцев кольца и драгоценные перстни...

Триумф новоявленной актрисы раскатился по Москве в один день и мигом, с фельдьегерской почтой, достиг столицы. Спектакли с новою звездой в главных ролях следовали один за другим, шли с неизменным блеском; имя Прасковьи Жемчуговой обрастало легендами. Казалось бы, все счастливо предрешено, а между тем, сойдя со сцены в жилые покои, увидим, что одновременно разыгрывалась здесь драма, куда более глубокая и шедшая по жестокому закону жизни...

За давностью лет простятся нам некоторые выписки из домашнего архива Шереметевых, а завещательное письмо Николая Петровича приоткроет завесу над тайной, столь долго хранимой:

«Я прилагал старания о воспитании ее и, не зная еще душевных предчувствий моих (курсив мой. — А. Н.), думал более об усовершенствовании ее к театру... Долгое время наблюдал я свойства и качества ее: и нашел украшенный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, постоянство, верность... Сию качества пленили меня больше, нежели красота ее, ибо они сильнее всех внешних прелестей...»

Душевные предчувствия Николая Петровича не обманули, но участь кре-

постной «премьерши» была бы решена с определенностью отношений, собственных обществу, случившись на месте Шереметева другой человек его круга. Не только греха особого не видели в романе господина и крепостной его избранницы, но в исходе вольнолюбивого восемнадцатого столетия этому придавали особую пикантность, мало сказать, дозволенную, но обществом и поощряемую. Да в том-то и дело, что была крепостная графа избранницей его сердца, а не прихоти, и потому «роман» выходил далеко за пределы дозволенных правил, — искреннего чувства простить здесь не могли. Прибавим к тому, что шло дело о «первом женихе империи», за которого свою внучку прочила сама Екатерина, к стати, крайне скандализованная слухами о том, что чувства графа превосходят дозволенные условия.

Да, любил Николай Петрович правил — сильно и искренне. В избраннице своей нашел он ответное чувство и, видимо, ту нравственную опору, которая одна и могла быть причиной полного его духовного перерождения. Без сожаления оставил Николай Петрович прежнюю рассеянно-праздную жизнь: лошадей и охоту сменили глубокие умственные занятия, а искусство, прежде носившее более привкус моды, поглотило теперь время его и души. Казалось, один только шаг и оставалось сделать вопреки условиям, но труден был этот шаг, так труден, что судить человека слеча из нашего времени почти и невозможно.

Хоть род и положение создавали ему независимость и издавна слыли Шереметевы вольнодумцами и своенравцами, но давно говорено на Руси: с волками жить — по-волчьи выть; и еще: плетью обука не перешибешь. Так что «в калашный ряд», хоть и знаменитой актрисе, ходу не было. Тайно нареченная жила затворницей на тайной половине, к гостям Николая Петровича не выходила; да и в самом доме положение барской барыни становилось все несноснее: всякий охотник глаза колотил крепостных ее происхождением. Нужны были меры оборонить любовь; чувства дали решимость превозмочь обстоятельства хотя бы отчасти.

Тогда-то и кинул Николай Петрович взгляд на позабытую усадьбу. Ради избранницы сердца недолгое время спустя оставлено будет славное и обжитое Кусково и взойдет звезда Останкина. А пока за Марьиной Рощей приказано строить не просто богатый дом, но чудо века — дворец-театр.

Ни в Москве, ни в Петербурге да и во всей Европе о подобном и не слыхивали. Затея сама по себе должна была влететь в копеечку, а не ударить в грязь лицом давним шереметевским было правилом. Да и времена обзавывали. Над Москвою-рекой вставало уже во всем великолепии Архангельское; к делу приставлены там иностранцы, большие до русского золота охотники. Граф Безбородко, тоже богат безмерный, затеяв новые покои, брал строителей непременно из-за границы, итальянцев да французозов; золотую резьбу, не долго думая, прямо из Вены выписывал, а в родных краях приискивал архитектора титулованного и покачнул тем изрядно обильные свои капиталы. Николай Петрович Шереметев, хоть отродясь скуп не был и жил куда как размахисто, много склада был человек. Иностранцев мастеров оставил он соперникам, обошел вниманием украшенных титулами зодчих и с легким сердцем поставил к работам своих дворовых — Ванюшек, Гришек, Алешек и Павлушек, благо в вотчинах его несть им числа. Тут кстати будет из того же домашнего архива письмо Николая Петровича к управляющему — весьма любопытное: «Для разной работы посторонних не нанимать, а исправлять оную своими мастерами со всяким успехом».

Перевернем страничку — опять рука Николая Петровича: «Подле галереи по красному хорошему грунту белый рафаэлевский арабеск сделать так, чтобы все походило на рафаэлевые ложи, а сии

**Михаил ШЕВЧЕНКО,**  
лауреат премии  
комсомола Украины

## Моим одноклассникам

*Как мы щедро росли!  
Как мы медленно, скупко выросли,  
на никчемность забав  
протавя молодые года.  
День за днем пронеслись,  
будто листья с дерев облетели,  
и умчались они,  
неизвестно-зачем и куда.*

*Вот и грянул октябрь!  
Только он не испортит обедни,  
не сорвет листопад  
с побуревшей вершины самой  
тот вцепившийся в ветвь,  
тот веселый, багряный, последний,  
тот отчаянный лист,  
не робеющий перед зимой.*

*Бьют ветра по листу,  
как прямою наводкою пушки.  
Содрогнись!  
Улади под холодным снарядам зимы.  
Мама глянула вверх —  
как он там, голубок, на верхушке?  
Как он держится там? —*

*посмотрели с тревогою мы.  
Только наши сыны  
целят в махонький лист из рогаток —  
осыпает со свистом  
вершину тугая шрапнель.*

*И зарядов в карманах  
как будто бы полный достаток,  
и к тому ж интересно  
попасть в эту трудную цель.*

*Им еще все равно,  
если вянет до времени лето,  
если ранние птицы  
прощально кричат в небесах.*

*Мы ведь тоже когда-то  
болеть не умели за это.  
Но зима на носу.  
Дебоширят сыны во дворах.  
И не слушают нас,  
попирая ветров причитанья,  
и бесценными кладами платят  
за пылкость затей...*

*Догорает листок,  
разрушается жаркое сканье  
между голых,  
дрожащих в ознобе ветвей.*

*Мы с годами добрее,  
хоть руки и лица землистей.  
Нашим душам понятней  
и песни и вздохи земли.*

*Может, это и нужно,  
чтоб дети стреляли по листьям  
и когда-то — однажды! —  
до их высоты доросли?!.*

заставить сделать домовых живописцев Мухина, Калинина и Фунтусова».

Прибавив сюда архитекторов, руководивших строительством Останкина, увидим, что все это крепостные Шереметева — Павел Аргунов, Алексей Миронов, Григорий Дикушин. Если и мелькнет где раз-другой чужеземное имя, то похода, и свидетельства со стороны — тому подтверждение, а тут уж не грех заглянуть нам и в дневники особы коронованной, Станислава Понятовского, короля польского, посетившего вскоре Останкино и пораженного его совершенством:

«Из тех нескольких сот мастеровых и художников, которые там работали, можно было насчитать не более четырех-пяти иностранцев, а остальные были не только чисто русские, но и почти все люди самого графа Шереметева; если бы факт этот не был констатирован, трудно было бы этому поверить, до такой степени исполнение всей работы отличалось изяществом».

«Люди графа Шереметева»... Выражение, что и говорить, диковато и режет современный слух, но, глядя из нашего далека, обязаны мы расставить все по своим местам.

Объясняя выбор исполнителей для задуманного, расчетливость и, уж ко-



*В осенний лес раздумья понесу:  
там хорошо — несуетно и сухо.  
О чем березы шелестят в лесу?  
Про что шуршат седые липы глухо!*

*В лесу осеннем трепетно до слез,  
в лесу осеннем вольно без опеки.  
Присяду у подножия берез,  
смежу на миг трепещущие веки.*

*Саднит во мне  
и каждый свежий срез,  
и каждый треск аукается больно.  
Как будто кто-то мчитя через лес,  
все чудится душе моей неволью.*

*Ухватишься за правильную нить,  
но сникнешь,  
осаженный сомнением.  
И хочется, да некого спросить,  
о чем шумят дубы  
в лесу осеннем...*

## Выйду навстречу...

В. К.

*Выйду навстречу.  
Как темень густа!  
Слышится волка тоскливая песня.  
Где-то в дороге ты, видно, устал,  
или в груди тебе сделалось тесно.  
Стонет тревога зеленой квакшой —  
где-то устал ты, я чую, душой.*

*Держит за полы меня сивера,  
белою мглой застилая долину.  
Сколько же теплится  
в людях добра!*

*Сколько жестокости  
метит нам в спину!*

*Лопнет дорога, подобно струне,  
бездна обдаст меня  
смертною жалью.*

*Чую, присел ты на той стороне,  
Сломлен дорогой,  
а больше — печалью.*

*Прыгну вперед.  
Через бездну меня  
перенесет иль судьба,  
иль причина.*

*Грубо и нежно моя пятерня  
влипнет в плечо твою:  
— Ну же, мужчина!*

*Черные бури дорог не сметут,  
добрая весть не заглушит тревоги.  
Легче сойтись,  
коль навстречу идут, —  
каждому выйдет всего полдороги...*

## На зеркале воды

Мы хорошо сегодня с ним живем.  
Как по заказу выдалась погодка!  
Я — наверху, чуть ниже — он.  
Пльвем.  
У каждого есть собственная лодка.

Взмахну веслом —  
и он замашет в лад.  
Запелятся бурунчики упруго.  
Коснутся лодки киллями друг друга  
и медленно отклонятся назад.

Пльвем-бредем!  
В ненужную гоньбу  
никто из нас другого не впрягает.  
Из-под его ладьи  
я воду не гребу,  
и он из-под моей не выгребают.

— Здоров ты, брат!  
Кувшинку за труды  
дарю тебе!



Как тихо-тихо!  
Лес...  
Сторожка без забора.  
Пльвет теплынь сентябрьской поры.  
Дубы и ясени с далекого угора  
пылают, как призывные костры.

А дальше —  
сто оттенков оксамита,  
пурпур и охра в тусклой зеленце.  
Молчит, зарей вечернею омыта,  
седая роца с грустью на лице.

Зовет вдали гудками Лозовая,  
а здесь ни звука.  
Лишь скребетсямышь.  
Но ощущаешь: затаялась тишь,  
не мертвая она —  
предгрозовая!

Как гулко хрустнет чаша небокрая,  
когда над лесом прогремит «Антей».  
И сразу ясно:  
тишина земная  
давно распята на крестах антенн.

Сорвется цвет последнего левкоя,  
над ухом шмель усталю пробасит —  
и вздрогнет сердце:  
тяжкий груз покоя  
на нервах человечества висит.

Двадцатый, стой!  
Смири слепую долю,  
нажми-ка поскорей на тормоза.  
Дай надышаться тишиною вволю.  
Повремени!  
Пусть высохнут глаза...

то матовым золотом, не обрушивается на вас лавиной, но входит в душу, подобно тактам нарастающей музыки. Слово слышишь, как перекликаются сначала отдельные мелодии, затем причудливо переплетаются и звучат уже единой темой. Но некая тайна, до поры в ней скрытая, завораживает ожиданием чуда. Откроется оно потом и поразит тем, что все это великолепие несет в основе своей простейший материал — дерево.

Дерево царит в Останкинском дворце. Оно иллюзорно скрыто в толще его стен, колонн, перекрестий, лестниц, карнизов, кронштейнов и, конечно, в изумительной по виртуозности исполнения и художественному вкусу деревянной резьбе.

Это целый мир, где рядом с драгоценным палисандром, розовым деревом, амарантом, эбеном и черным дубом живут удивительную жизнью простейшие наши породы — сосна и береза, ель и липа: руки резчиков заставили дерево перевоплотиться в камень, бронзу, придали ему образы самые неожиданные! Не полагаясь полностью на свои впечатления, а отчасти и в подтверждение им, дадим слово авторитетному исследователю:

И вижу, как — о, боже! —  
из глубины сверкающей воды  
и он навстречу тянется с такой же.

В его движеньи — мужество и шик.  
«За это, — мысля, —  
выпить не мешает».

Гляжу за борт:  
ну и шустер мужик —  
он тоже молча чарку поднимает.

— За что? —  
степенно спрашиваю я.  
И вместе бредим речью молодою:  
— За то.

что есть у каждого ладья!  
За то, что мирно делимся водою!  
Как весел наш полуденный пикник!  
Ничем не потревожить  
нашу сплотку!

Но упаду за борт я —  
мой двойник  
меня обратно не подсадит в лодку!



Немилосердно бытие к любви.  
И потому, истратив прежний пыл,  
смеются те, кому любить не внове,  
над теми, кто впервые полюбил.

Немилосердна к рыцарству эпоха.  
И рыцарю, не терпящему зла,  
соперником становится пройдоха,  
привыкший убивать из-за угла.

Немилосердна к мудрости природа.  
Взорлил мудрец —  
и тут же без конца  
плодится неизвестная порода  
тех, кто оциплет крылья мудреца.

И все ж, познав литую силу тверди,  
на бугорок надежно обопрись.  
С рождения в плену немилосердия  
люблю мятежно, мысля и борюсь!

Да будешь ты —  
любовь моя до гроба!  
Да сгинет тот, кто бьет из-за угла.  
Пусть не терзает зависть или злоба  
мои неотлетавшие крыла.

Пусть мучит сада ярое цветенье,  
пусть ревностью,  
как пулюю, прошьет.  
Невыносимо сердцу ощущение,  
что это все когда-нибудь пройдет.

Перевел с украинского  
Вадим КУЗНЕЦОВ.

«Нигде — ни у нас, ни за границей — не встречается подобного... Нет, той орнаментальной трудности, перед которой остановился бы останкинский резчик».

Усомниться в последнем не позволит, впрочем, даже самый беглый взгляд. Но добавим от себя и подчеркнем особенность, для темы нашей весьма важную: здесь безошибочно узнаешь руку и мысль художника из народа, которому и фантазию и вдохновение дают окружающая природа и повседневный его быт. Эта простодушная чистота впечатлений, так свойственная искусству народному, живет в Останкинском дворце всюду: то увидишь вкрапленные в орнамент венки полевых цветов или снопы ржи, то узнаешь в нем причудливый рисунок изморози на окошках русской избы, то обнаруживаешь целые простенки, заполненные художественно сгруппированными предметами крестьянских работ — граблями, косами, серпами... И надо ли удивляться, что все это дышит любовью к изображаемому и неподдельной искренностью чувства?..

Удивляться, впрочем, нужно другому, ибо, кроме Останкинского дворца, не найдем мы еще примера, где так гармо-

нично было бы совмещено совсем, кажется, несовместимое — классическая строгость архитектуры с избыточной нарядностью убранства.

Однако беглым этим очерком законченного облика дворца мы опередили события. А между тем, пока строится Останкино, в полном своем блеске продолжают «кусковские сезоны». Скоро все это переменит адрес, но, как и в Кускове, будет собирать к себе Николай Петрович гостей «хлеба-соли откушать и песенок послушать». К Останкину станут съезжаться сотни карет, а простого люда — из окрестных деревень — собираться будет тысяч до тридцати... На длинных, по всему саду, столах урчат десятиведерные самовары; хмельное зелье меряет бочками; едят сытно, пьют изрядно, но все идет впрок, потому что никогда не выходил праздник из границ, ему поставленных. По шереметевским традициям, был он представлением и «театром для себя»; зрители становились актерами и актерами — зрителями. По парку прохаживались русские пригожайки в фатах и крестьяне в разноцветных кафтанах, подпоясанных персидскими кушаками. Тут доставало всего и на всякий вкус: крепостные певцы и певички пели итальянские арии; оркестр рожечников услуждал вкус народными мелодиями, а о затаях гуляний и говорить нечего...

И, как и прежде, жемчужиной праздника будет театр — спектакли с неповторимой актрисой, которой имя, едва появившись, обросло легендами. А пока с прежним блеском доигрывает она последние кусковские сезоны, но, сняв после сценического триумфа стотысячные бриллианты, украшавшие костюм героини, тайная хозяйка всего не смеет выйти к гостям, удаляется в боковые покои, на тайную свою половину... Когда затихнет праздник, поплачет с ней и Николай Петрович — «русский Крез» и бессильный вельможа. Сулит ли иную жизнь строящийся для нее театр по другую сторону Москвы?..

А между тем работы по постройке дворца были в полном разгаре, но велись под покровом тайны — все скрывал глухой забор, в окрестностях патрулировали конные егеря. Рассказывают, какой-то француз проник все же за ограду и, спрятавшись в кустах, пытался сделать зарисовку строящегося дворца; его обнаружили, и, конечно, досталось французам на орехи...

Быть может, историческая эта мелочь и к слову пришлась, но обстановку тех дней дополняет она подробностью любопытной. Наиболее же интересное сохранилось в документах, до нас дошедших, и, коли уж повелись мы в домашний архив Шереметевых, еще одно туда хождение не окажется лишним, ибо среди прочего хранятся там ежедневные отчеты управляющего строительством. Вот что он пишет в одном из них: «Работы домашними мастерами производятся по настоящей скорой надобности, не исключая праздничных и воскресных дней, и в ночное время работают со свечами до девяти, а по утрам с пятого часу... стараются неуспыно».

Несколько строк старинного документа говорят, конечно, о многом, но придется прервать тут архивные наши изыскания, чтобы перенестись из Марьиной Рощи в столицу империи, где после долгого и сумбурного царства женщин на русский престол сел бешеный Павел, — увы, событие это зацепит и судьбу Останкина.

Но пока Павел Петрович неистовствовал в Петербурге. В первый же день царствования он объявил войну круглым шляпам, жилетам, французским книгам, вечерним чаепитиям и поздним просыпаниям. В тот же день государевым указом стены домов, ставни, заборы, фонарные столбы были окрашены в клетку, как солдатские будки. На третий день император снес Оперный дом на Царицыном лугу, где давала спектакли итальянская труппа. Языку, на котором до сей поры изъяснялись, тоже досталось: вместо «врач» приказано говорить «лекарь», слово «стража» за-

менялось «караулом», вместо подозрительного «гражданин» приняты к употреблению «быватели», а «отечество» заменено «государством»; слово же «общество» изъято из языка полностью и без замены.

Столица жила в страхе, ежедневно ощущая судорожные припадки императора. Налуганную слухами белокаменную берегли пока шестьсот верст, тверские и новгородские леса. Москва ждала коронационных торжеств, как ждут кары. Коронация по традиции (изъять ее Павел пропустил) не обходится в Москве без посещения новым императором дворцов самых блестящих вельмож. Кусково позабыто и почти заброшено, так что Останкину встречи с царем не миновать.

Поспеть к сроку было необходимо. В Останкино к управляющему строительством летели письма Николая Петровича: «Спешите как можно скорее и не упускайте времени; иное, что нужно, дабы и без меня решить сам, дабы через почту не потерять много времени...». «Не теряй ни одной минуты, теперь всякое время дорого...», «Жаль, если не успеешь и тем помешаешь мне принять дорогого гостя».

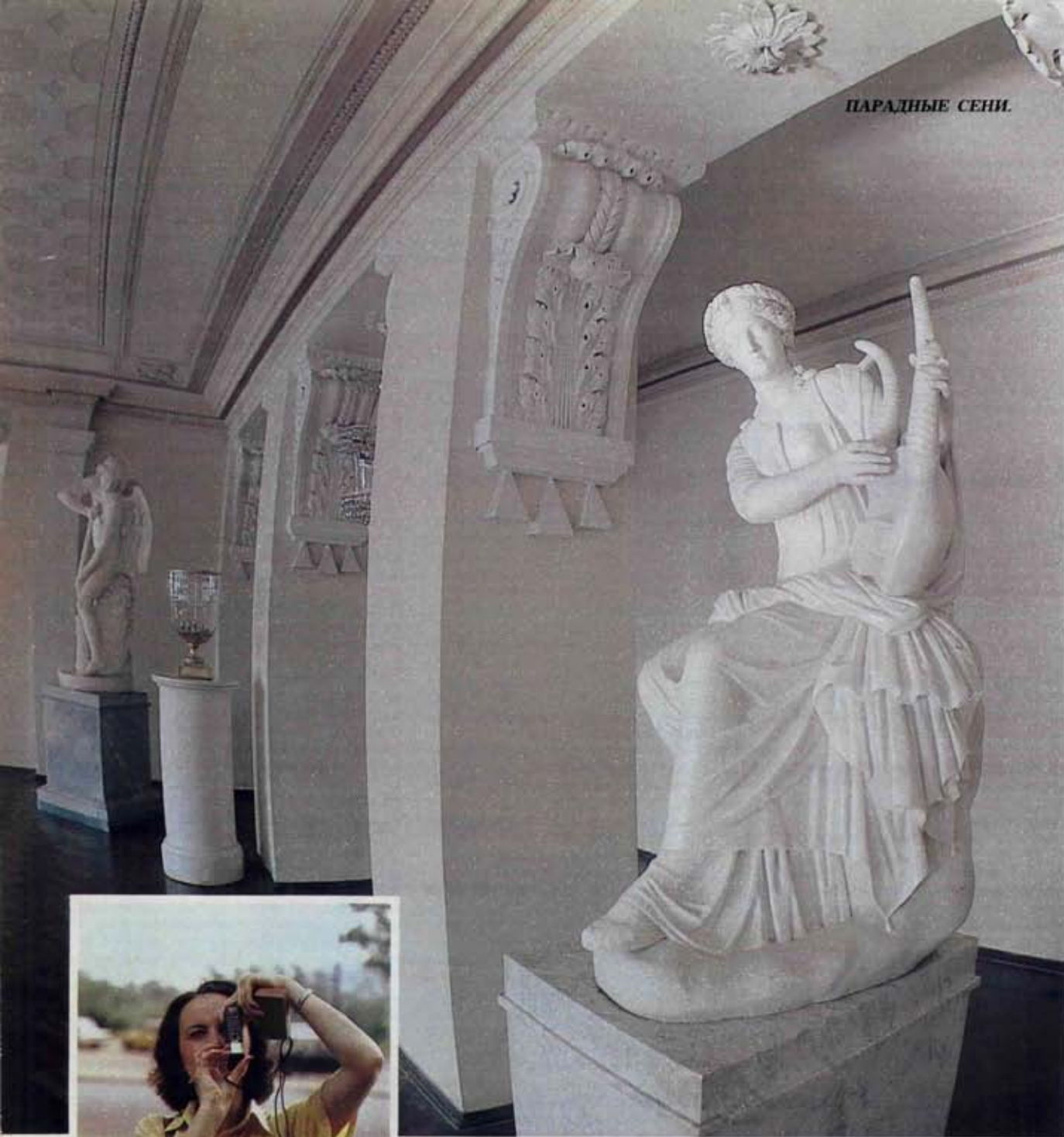
В последнем выражении можно, впрочем, усмотреть иронию, — «дорогой гость» хорошо был известен Шереметеву своим нравом: «Тот только у меня вельможа, на кого я гляжу, и до тех пор, пока я на него гляжу». Любил Павел Петрович «сочинять» вельмож и раздавать титулы придворным своим любимцам; так, графство не миновало и его братора Кутайсова... Словом, дикие скачки императорского нрава предвидеть было невозможно. Умное дело могло взбесить императора, а неожиданная глупость привести в восторг. Об этом следовало подумать...

Останкинская усадьба стояла в лесу. Сплошным кольцом охватывал он границы сада и парка, сливаясь с Марьиной Рощей и закрываясь подъезжающим вид на дворец. 30 апреля 1797 года поезд новокоронованного императора, свернув с Московской дороги, въехал в останкинский лес. Замечено было, как лицо Павла пошло пятнами, не предвещая ничего хорошего. Но тут по невидимому знаку лес вдруг расступился — подлинные заране деревья одно за другим стали падать по обе стороны дороги... Сколько в тот весенний день убито было деревьев, не счесть, но это, кажется, единственная азиатская затея, которую позволил себе Николай Петрович, чтобы угостить императора, и не ошибся — Павел был в восторге. Полноту его радости всегда выражала любимая песенка: «Ельнич мой, ельнич, частый мой березник, люлюшкилюлю...» Пропетая сильным голосом императора, тут она была кстати.

Но насколько кстати будет следующее событие, предвидеть тоже было невозможно. В одном из залов дворца нос к носу столкнулся император с гигантским своим портретом. Это тоже было чудо: до сих пор Павел, отличавшийся, как известно, внешностью весьма скажем, своеобразной, позволил написать с себя только один поясной портрет. Крепостной живописец Шереметев Николай Аргунов снял копию с того портрета во весь рост. По словам современника, «последний превзошел самый оригинал» (правда, не уточнил тот, о каком оригинале идет речь!). Во всяком случае, и на сей раз император был в восторге. Трудно сказать, конечно, насколько глубоко оценил он живопись, но грандиозная золоченая рама, заключавшая в себе его особу, не могла не тронуть чувств нового правителя гигантской империи. Не знаем мы также, было ли доложено императору, что за раму уплачено тысячу рублей, в то время как за собственное его в ней изображение — только восемьдесят. Но дело, конечно, не в деньгах.

Денег не считал Шереметев, устраивая этот праздник; скажем только, что далеко превзошел он все прежде бывшее и, по слову очевидца, «фантастичностью своей напоминал одну из

ПАРАДНЫЕ СЕНИ.



ставить себе, как звучал здесь голос Прасковьи Жемчуговой...

В тот день премьеры на сцену вышла она, как всегда, в главной партии. И, как всегда, покорила зал. Но на этот раз ветераны Измаильского штурма наградили ее овацией, прежде не слышанной. Говорили, в тот день Прасковья Жемчугова превзошла себя. Трудно, конечно, превзойти превосходное, но поверить этому можно,— ведь с дебютом на новой сцене связывала она надежды на иную судьбу. Но сбудутся ли они, не знал никто даже и в тот день, когда данный императору праздник завершился триумфальным ее спектаклем — «Самнитские браки».

На сцену выезжала Прасковья Жемчугова в великолепной колеснице, осыпанная фамильными шереметевскими бриллиантами, пела так, что на глазах слушавших были восторг и слезы, но восхищавшая зрителей величественная битва самнитян с римскими когортами одной ей представлялась роскошным театром, на жизнь настоящую непохожим. Она была на сцене, она играла роль...

А из ложи, декорированной роскошными голубыми занавесями и отдаленной от нее непроходимым темным про-

**Н. И. АРГУНОВ.  
ПОРТРЕТ  
КРЕПОСТНОЙ АКТРИСЫ  
П. И. КОВАЛЕВОЙ-ЖЕМЧУГОВОЙ.**



**НЕЛЬЗЯ НЕ ВОСТОРГАТЬСЯ  
КРАСОТОЙ, СОТВОРЕННОЙ  
НАШИМИ ПРЕДКАМИ.**

**КОНЦЕРТЫ  
В ЕГИПЕТСКОМ ПАВИЛЬОНЕ  
СТАЛИ ТРАДИЦИОННЫМИ.**

маила», написанную Осипом Козловским на либретто участника событий русско-турецкой войны. Зал в тот день блестел военными мундирами, покрытыми свежими орденами; театр заполнили те, кто штурмовал неприступную крепость. Успех был полный, но не каламбура ради сказать нужно, что останкинскому взятию Измаила в огромной мере способствовал Федор Пряхин — крепостной Шереметева, изобретатель и механик. Он создал поразительные — и для нашего времени — приспособления, с помощью которых увидели зрители и морской шторм, и пожары кораблей, и рушившиеся на глазах стены крепости. Судить об этой феерии помогают нам только воспоминания современников и собственное воображение.

Но есть среди чудес Останкинского театра и такие, чему сами мы можем быть свидетелями. Так, проведенные в наши дни акустические опыты, кроме превосходной чистоты и силы звука, показали еще одну неповторимую его особенность: звук здесь не летит со сцены по прямому направлению, но как бы омывает все помещение, окружает зрителей, создавая этим эффектом неповторимую объемность. Можно пред-



Арабских ночей». Кроме первого в России капитала, обладавший еще и отменным вкусом, на сей раз не боялся Николай Петрович и переборщить, только бы «прошибить» императора. Не ошибся он и теперь. Невиданный фейерверк в пятьдесят тысяч ракет, превративший небо над Останкином в сплошную огненную реку, бочки с осмолненным горохом, горевшие по всему парку, сад, иллюминированный так, что и в Москве светло было от его огней,— все это и диковато, возможно, было собственно вкусу выученика Лейденского университета, но императора уложило наповал. «Ельник мой, ельник, частый мой березник» не сходило с уст Павла Петровича в продолжение всего праздника, а он был долгов, и вершиною его истинною был, конечно, не фейерверк, а театр.

Перед посещением императора новый театр опробован был спектаклем во всех отношениях историческим. Давали героическую русскую оперу «Взятие Из-

странством, смотрел на нее ее возлюбленный. Он был рядом с императором в пудреном парике — маленьким, громогласным. А после спектакля, никем не замеченная, спустилась она по узкой лесенке в свои покои; не увидит, как по ступеням, покрытым красным сукном, отпуская гостеприимному хозяину солдатские любезности о его актрисе и с любимой песенкой на устах, взойдет на ту же сцену, обращенную в банкетный зал, император.

Минует время — короткое время, — и, как со сцены, уйдет Павел из этого мира. И уже Александр Павлович придет в Останкино и так же, как его отец, но более изысканно, будет восхищаться крепостной актрисой, благодарить господина ее за доставленную радость, и не оттого только, что был он любезен и, по слову современника, любил всех женщин, кроме своей жены, но потому, что не было сердца, которого не тронула бы великая эта актриса.

Но думал ли кто тогда — да и кому было думать? — что триумф тот был лебединой песней актрисы, которой дали ее искусство, взяв за дар эту жизнь. В роскошном дворце, для нее созданном, невольной затворницей без собственного имени доживала она короткую свою жизнь. Говорят, велика сила искусства. Кто спорит? Но в иные времена не одолеть ей нравов века, ломавших человеческие судьбы в тонких самых местах. Сказано уже и нами повторно: плетью обуха не перешибешь. Так



### ЗДАНИЕ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ ТОЖЕ ВХОДИТ В ДВОРЦОВО- ПАРКОВЫЙ АНСАМБЛЬ.

могло ли наградою быть тайное на исходе жизни обручение? Тому ответ — тайные вскоре похороны, с посевшим в один день Николаем Петровичем и несколькими крепостными, шедшими за гробом...

Чаятка ли свела ее в могилу? Да нет, другая была это болезнь — неизлечимая тогда болезнь века.

По тем временам тут бы истории этой и поставить точку, но, из нашего далека глядя, досказать все-таки нужно.

С Парашею Ковалевой взойшла звезда Останкина; коротко, но ослепительно ярко вспыхнула она с именем великой актрисы Жемчуговой и закатилась со смертью Прасковьи Ивановны Шереметевой. Что гадать, но, сложись по-иному судьба этой женщины, по-иному переписала бы история и судьбу Останкина. Возможно, не успев расцвести, позабыта была бы она в череде многих, не обретя права на историю. Но случилось так, что с необыкновенной судьбой крепостной крестьянки сплелось столь же необыкновенное искусство крепостных художников. Не знаю, утешительна ли здесь старая, как мир, истина: умирают люди, а искусство остается? Но будь остается оно для того, чтобы навсегда уже войти в нашу жизнь духовным наследством.

А эта звезда незакатная.



ЗИМНИЙ ЭТЮД.

«В молодости смерти придавалось огромное значение. Теперь не придаешь ей никакого значения. Только ненавидишь ее за людей, которых она уносит».

Эрнест Хемингуэй,  
послесловие к сценарию фильма  
«Испанская земля»

Будапештский аэродром «Ферихедь». Уже совсем темно, лишь светятся цепочки огней вдоль взлетных полос и лампы на здании аэровокзала. С тяжелым шелестом взлетают и приземляются реактивные лайнеры.

20.40 по местному времени. «Внимание! Совершил посадку самолет авиакомпании «Малев», выполняющий рейс 581-й Мадрид—Будапешт».

Вспыхивают мощные прожекторы. Лучи юпитеров бликами отражаются в духовых инструментах военного оркестра, узко поблескивают на штыхах почетного караула, матово отсвечивают

ту пору много писем. Вот одно из них, принадлежащее перу Всеволода Вишневского:

«Сегодня, дорогая Вера Ивановна, я уезжаю в Испанию. Наша делегация найдет и посетит могилу дорогого Матэ. Над могилой его мы скажем все, что у нас на душе. А вам, склоняя голову, мы протягиваем руку... Будьте тверды и мужественны, как Матэ, и будем вместе жизнью своей двигать вперед наше общее революционное дело...»

В июле мы получили письмо от ближайших соратников отца по Испании, болгар Петрова и Белова. Петров был заместителем генерала Лукача и после его смерти принял командование 45-й интернациональной дивизией, Белов — бессменным начальником штаба\*. Они писали:

«Дорогие Вера Ивановна и Наталья Матвеевна!

Мы знаем вас только по имени. Между нами, однако, стоит незабвенный образ павшего друга, который породил нас с вами до конца жизни. И если вы будете считать нас самыми близкими людьми, то поверьте нам — вы не ошибетесь...

Белов встал и каким-то прерывающимся, торжественным голосом сказал:

— По поручению интервьюеров и испанских товарищей мы хотим вручить вам, самым близким родственникам Лукача, ключ от его гроба, как это положено по испанской традиции...

И с этими словами Белов передал маме небольшую серебряную шкатулку. Мама осторожно взяла ее и вынула оттуда крошечный ключик. И тут самоблагодарие едва не покинуло ее.

Но Петров постарался отвлечь маму — он стал показывать привезенные из Испании фотографии. Почти на каждом снимке был отец — живой, улыбающийся...

Не забывали нас и венгры, папины друзья еще со времен гражданской войны в России. Сразу же после своего возвращения из Испании пришли к нам Ференц Мюнних и Реже Санто\*\*, оба они воевали в Испании под командованием Лукача, один отвечал за бригадную артиллерию, другой — за службу тыла. Их мы знали долгие годы, дружили с

Гвадалахаре во главе своих частей, рука об руку с самыми прославленными бригадами новой, доблестной Испанской Народной армии. Он сумел написать памятные страницы доблести и военных знаний, страницы, которые войдут в историю.

Слепое несчастье войны вырвало из рядов Испанской Народной армии одного из лучших ее генералов. Оно лишило нас одного из наиболее способных командиров; всех нас лишило руководителя, товарища, друга. Но осталось у нас то, чему он нас учил, остаются нам прекрасные военные кадры, выращенные в его школе, его примером. Остаются нам его доблестные части, которые сумеют продолжать великие традиции доблести, созданные генералом Лукачем...»

В ноябре 1937 года приехал Павел Иванович Батов, в то время — полковник РККА\*. В Испании в течение нескольких самых трудных недель организации и боевого крещения 12-й интернациональной он был военным советником бригады.

— Случилось так, что в тот роковой день, 11 июня, под Уэской я находился в одной машине с Лукачем, — рассказы-



# ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ЛУКАЧА

Наталья ЗАЛКА,  
Матвей САПРЫКИН

И вновь, как каждый год, редакция журнала «Смена» присуждает за лучшую публикацию на международную тему премию, носящую имя замечательного писателя-интернационалиста Матэ Залки. Премия эта учреждена на Полтавщине по инициативе правления и парткома колхоза имени Матэ Залки.

Наши читатели в своих письмах просят рассказать о литераторе, коммунисте, солдате, человеке, ставшем легендой. Выполняем эту просьбу. Авторы очерка «Возвращение генерала Лукача» — дочь и внук Матэ Залки.

в золотом шитье погон генералов и офицеров.

Часть летного поля, выхваченная прожекторами из темноты, устлана длинной ковровой дорожкой. По ней группа военных направляется к самолету, подрулившему к зданию аэропорта, и принимает из его распахнутого чрева черный лакированный гроб. Шесть полковников Венгерской народной армии несут его на плечах до постамена.

Сообщения об этом событии появились в газетах трех стран.

**Испания. «Мундо Обреро».**

«Прах генерала Лукача, командира интернациональных бригад во время испанской гражданской войны, был встречен с воинскими почестями по его прибытии в Будапешт». **СССР. «Литературная газета».**

«В будапештском аэропорту приземлился самолет из Испании, на борту которого находился прах легендарного писателя-коммуниста, замечательного сына венгерского народа, интернационалиста, героя гражданской войны в Испании — генерала Лукача, Матэ Залки...»

**Венгрия. «Непсабашаг».**

«...Под звуки гимна гроб снимают с самолета. Построившаяся у знамени рота почетного караула отдает честь герою венгерского и международного рабочего движения, добровольцу гражданской войны в Испании... Церемония встречи останков Матэ Залки, доставленных на родину, заканчивается звуками «Интернационала».

Эта удивительная, в некотором роде беспрецедентная акция является глубоко символической. Через сорок лет после гибели из недавно еще франкистской Испании в социалистическую Венгрию был перевезен прах гражданина СССР, воевавшего в качестве испанского республиканского генерала.

**Наталья Залка.** Я хочу рассказать эту историю в том виде, в каком сохранила ее моя память. Начать этот рассказ можно с лета 1937 года, когда после гибели папы к нам приходило много знакомых и незнакомых людей, чтобы утешить и поддержать. Получали мы в

Стоит ли вас утешать? Героев и бессмертных не жалеют — ими гордятся. А вы имеете право и основание гордиться своим мужем и отцом.

Будет время, когда и на испанской улице наступит праздник. И тогда имя Лукача будет повторять от лагуны Средиземного моря до снежных вершин Пиренеев. Потому что в новой и действительной истории испанского народа имя венгерца Залки будет одним из первых. И те, за лучезарное счастье и будущее которых Матэ сложил голову, никогда не забудут о гражданине мира — генерале Лукаче...

**Мадрид, 6.VII.1937 г.».**

И вот ранней осенью 37-го года Петров и Белов позвонили в дверь нашей квартиры в писательском доме на улице Фурманова.

Были они разного роста, но чем-то очень схожие — крепкие и основательные. Пришли они к нам чуть ли не в первый день по приезде в Москву, усталые, обветренные.

По-видимому, они боялись наших слез и потому не очень знали, как себя вести. Пройдя в комнату, они поспешно сказали, что сами при гибели Лукача не присутствовали. И, как будто оправдываясь, добавили: даже на похороны попасть не удалось — в те дни шли ожесточенные бои под Уэской.

Они коротко, со слов очевидцев, пересказали нам, что похороны состоялись в Валенсии, тогдашней временной столице Испании, что на них присутствовали премьер-министр республиканского правительства Хуан Негрин, вице-президент кортесов (испанского парламента) Долорес Ибаррури, тысячи валенсийцев и бойцов интербригад. По обычаю, существующему в каменистых районах Испании, гроб был захоронен не в земле, а замурован в «почетной стене», как они выразились...

\* После окончания второй мировой войны оба они заняли ответственные посты в Народной Республике Болгарии. Петров, настоящее имя которого было Фердинанд Козовский, стал председателем Народного собрания страны, а Белов — Карло Луканов — в течение ряда лет занимал пост министра иностранных дел.

нами семьями и потому не скрывали слез.

— Как же так, Фери, как же так, что Матэ не вернулся? — задавала мама бессмысленный вопрос всех вдов.

Мюнних, как мог, терпеливо успокаивал маму и меня поочередно.

— Да, Верочка, большое горе. Крепись, что же делать. Это ведь с каждым из нас могло случиться.

Мюнних и Санто привезли из Испании кипу газет со статьями и корреспонденциями о похоронах генерала Лукача. Они сохранились у меня в архиве. Вот лишь одна из них — статья корреспондента «Юманите» Жоржа Сориа:

«17.VI.37. ...Тысячи рабочих перед зданием Компартии безмолвно чествовали Пауля Лукача. Офицеры его бригады вынесли черный гроб, за которым шли члены правительства во главе с премьером. Зазвучал похоронный марш Шопена. И когда за частями Испанской Народной армии, одетыми в парадную форму, тронулся катафалк, несколько рот интернациональных бригад салютовали погибшему. По всему пути следования траурной процессии стояли толпы людей. Плачущие старухи провожали гроб поднятыми в знак приветствия кулаками... Десятки тысяч проводили его к Северному вокзалу, на площади перед которым состоялся траурный митинг».

Среди газетных вырезок сохранилась и статья Луиджи Галло\*\* — изложение его речи на похоронах в Валенсии.

**«Мундо Обреро», 5.7.1937 г.**

«Пал генерал Лукач (Матэ Залка)...

Испытанный командир, блестящий офицер, генерал Лукач был одним из первых, отдавших свой опыт, свои знания, свою доблесть делу испанской свободы.

Он был в Университетском городке в незабываемые ноябрьские дни, когда началась защита героического и непобедимого Мадрида. Он был в Посуэло де Аларкон, в Боадилья дель Монте, в Мирабуэно, на Хараме, в

\* Ф. Мюнних после освобождения Венгрии был членом Политбюро ЦК ВСРП и Председателем Совета Министров ВНР. Р. Санто в течение многих лет был председателем Союза партизан Венгрии.

\*\* Под этим именем в Испании сражался Луиджи Лонго — позднее генеральный секретарь Итальянской компартии.

вал он нам. — Я приехал к нему в гости, и он предложил мне поехать с ним на рекогносцировку. Матэ очень возмущался беспорядками, царившими на Арагонском фронте... А сам сплочовал: приказал шоферу ехать по дороге, которая простреливалась. Ведь знал же об этом, сам распорядился никого по ней не пропускать. Очень он тогда расстроен был из-за, прямо скажем, вредительского приказа атаковать хорошо укрепленную Уэску в лоб. Впрочем, себя он никогда не щадил...

Когда наш автомобиль выскочил на простреливаемый участок дороги, — рассказывал дальше Павел Иванович, — с окраины города ударили пушки. Первый же взрыв отбросил нашу машину к скале. А дальше я ничего не помню...

Мы знали, что это не совсем так, что, несмотря на серьезную рану в ногу, «колонэль Фриц»\*\* пытался спасти Лукача, раздобыл машину медицинской помощи, которая и доставила отца в госпиталь. Но врачи уже ничем не могли помочь.

Побывал у нас в доме и Роман Кармен. Надо сказать, что раньше мы не были с ним знакомы — лишь хорошо знали его имя по титрам кинохроники о событиях в Испании, все выпуски которой мы, конечно же, смотрели по нескольку раз. Кармен, красивый, обаятельный и удивительно легкий в общении, сразу же вошел в наш дом как близкий человек.

Мы слышали, что в Испании Кармен много снимал бойцов-интернационалистов, в том числе 12-ю бригаду, неоднократно бывал в штабе у отца.

— К сожалению, Лукач избегал сниматься, — сказал он, отвечая на наш вопрос. — Он всегда просил отвести камеру в сторону, и я его слушался, о чем сейчас очень жалею. Вот так и получилось, что на кинолентке почти не сохра-

\* В настоящее время — генерал армии, дважды Герой Советского Союза.

\*\* «Полковник Фриц» — псевдоним П. И. Батова в Испании.





Татьяна КРАСОВСКАЯ,  
искусствовед.  
Фото  
Валерия КАМЫШКО

# ГЕОМЕТРИЯ КОСТЮМА



## МОДА БУДУЩЕГО ГОДА. ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВАРИАНТ.

Следуя старой русской поговорке, наверное, уже сейчас, когда метут метели, необходимо подумать, что носить весной. Несколько моделей, рассчитанных на это время года, предлагают вниманию читателей «Смены» ленинградские художники-модельеры.

В куртках используются не только болонья и нейлон, но и текстильные материалы, такие, как шерсть с легким ворсом. Цвет ткани может быть ярким, декоративным или же спокойным, монохромной гаммы. Что касается отделки, деталей, то в последнее время здесь приобрел популярность так называемый блочный или лоскутный стиль. Большие плоскости из тканей разного цвета как бы проникают друг в друга, разбивают одежду на геометрические фигуры — треугольники, прямоугольники, квадраты. Отделка выделяет линию плечевого пояса, поскольку именно на плечи, их форму и ширину обращает особое внимание современная мода. Плечи обязательно расширены. Достигается это с помощью декоративных отделок. Кстати, в новом блочном стиле могут выполняться не только куртки, но и плащи.

Сегодняшняя одежда для молодых лаконична, в ней немногочисленны детали, а те, что присутствуют, обязательно функциональны — съемные накладные карманы, крупные накладные карманы.

В коллекции Ленинградского Дома моделей представлена и одежда для досуга. Художники рекомендуют костюмы, платья, выполненные из трикотажного полотна выразительной фактуры, имитирующей бархат, ткани с ворсовой поверхностью. В качестве отделки можно использовать различные декоративные элементы лоскутного стиля. Длина моделей очень индивидуальна, зависит от пропорций ансамбля. Юбки, дополняющие верхнюю одежду, то есть пальто, куртки, могут быть удлиненными, до середины икры. А в молодежных комплектах, предназначенных для отдыха, допускается длина на пять—десять сантиметров выше колена.



**П**режде всего хочется поблагодарить всех, кто отозвался на начатый нами разговор и верно понял его направленность и интонацию: не поучать кого-либо решили мы, затеяв беседу на тему «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?». Напротив, мы предложили читателям вместе пристально взглянуть на существующую проблему и поразмыслить о некоторых характерных чертах возникновения и бытования современной песни. Поэтому особо благодарны тем, кто не поверху пробежал быстрым взглядом текст нашего диалога, а вчитался в него.

Нельзя не отметить, что разговор, начатый «Сменой», как бы перешагнул границы журнала: наша дискуссия была в разгаре, когда аналогичного харак-

сти строгого, серьезного воспитания ребенка с первых же его шагов, но и необходимости последовательного переубеждения неправого, незрелого человека. Дело это в высшей степени трудное. Нина Григорьевна пишет о своем восемнадцатилетнем сыне: «Приходится много сил прилагать, убеждая его в существовании хорошей музыки, поэзии, литературы...» Судя по всему, усилия эти не пропадают даром, потому что, очевидно, направлены не на поверхностные морализирования, а на глубокую вспашку души. Успех и в таком случае, очевидно, не всегда гарантирован.

Однако надежда на достижение успеха должна подкрепляться не только словом-наставлением, но и собственным примером, и еще — долговременным вниманием, подчас самоотверженным, к тому, кого

незаметно. Но на протяжении времени происходит именно так.

В письме семнадцатилетней Людмилы Задонских из Новосибирска, например, с тревогой говорится о том бесчисленном количестве низкопробных песен-однодневок, которые буквально обрушиваются на голову слушателей, не запоминаясь, исчезают с такой же быстротой, как и появились, но в массе своей оказывают дурное влияние на духовный климат, в котором воспитываются чувства молодых людей. Людмила замечает, что в этих бесчисленных подделках под песню «нет главного: мелодии и смысла; у исполнителей часто нет нужной интонации и голоса, чтобы помочь слушателям разобраться в том слепке из слов и нот, которые они исполняют». (Кстати, и в ряде других откликов читатели недоумевают по поводу появления в эфире и на эстраде колоссального количества таких вот однодневных песен-новинок. Об этом пишут и Н. Мезенцева из Ташкента, и Виктор В. из города Бендеры Молдавской ССР, и В. Травников из Костромской области. Ф. Антонова из деревни Усвяты Смоленской области задает вопрос: «Почему идет такая гонка песен — хоть плохая, да новая — и притом похожих одна на другую?» Вопрос этот достаточно серьезен для того, чтобы его как следует обсудить во всех организациях, причастных к выпуску песен в свет.)

Академик Д. С. Лихачев в упомянутом нами выступлении со всей решительностью высказывается по этому поводу: «Гораздо взыскательнее, жестче должны мы подходить и к продукции создателей расхожих шлягеров — это не что иное, как откровенная халтура, дискредитирующая поэзию, но как хорошо оплачиваемая!.. Давайте вчитаемся в совершенно бессмысленные тексты так называемых модных «песен», в огромных количествах звучащих с тысяч эстрадных подмостков, вслушаемся в рев многочисленных ВИА и голоса микрофонных идолов молодежи, посмотрим в вихляющихся, дергающихся, извивающихся модных и супермодных солистов и солисток, всевозможными способами и эффектами компенсирующих отсутствие таланта, вкуса и такта, давайте серьезно вдуматься в этот прискорбный феномен и найдем, по-моему, совершенно необходимые меры сопротивления и борьбы с воинствующей пошлостью. Хочу вновь подчеркнуть: я вовсе не против так называемого «современного» искусства, но это должно быть именно искусство, облагораживающее и возвышающее человека, а не жалкая, бездарная пародия, рассчитанная на моментальный шок-успех, оглуляющая массы людей...»

Мы специально щедро цитируем письма и высказывания самых разных людей, которые вовсе не против «современного» искусства, но всерьез озабочены неразборчивостью, низкопробностью вкуса многих и многих молодых людей, «больных», — как они иногда сами пишут в своих исповедальных письмах, — тяжелым роком, поп- и дискомузыкой.

Один из читателей, к примеру, рассказывает о молодом парне, которого соседи прозвали «магнитофонной головой». С самого утра из квартиры, где он живет, разносится какой-то раскаленный музыкалоподобный рев. Звучит он до тех пор, пока молодой человек не уходит в школу. Возвращается и опять «врубает» магнитофон на всю мощь. Что же, он под этот рев (мы уж не говорим о страданиях соседей) занимается? Читает? Отдыхает? Выходит, что так. Все его домашнее время — до прихода родителей с работы — заполнено магнитофонной «музыкой».

Что может выйти из такой «магнитофонной головы»?

Очевидно, под магнитофонный рев писал свое послание в адрес музыкального клуба «Смены» двадцатилетний Андрей М. — «от лица новой волны». Стремительно став студентом одного из университетов (?) и первоклассным шахматистом (?), он откровенно заявляет: «Мне кажется, для счастья нужно немного: японская аппаратура, фирменные шмотки и новейшие записи, и все!» Что это — пародия? Розыгрыш? Издевательство (и прежде всего над собой)? Однако стиль письма, взвинченность тона, его наступательный характер свидетельствуют о том, что оно написано всерьез. Если даже опустить часть письма, связанную с самовоспеванием («Как видите, я откровенен», — резюмирует Андрей М.), невозможно примириться с таким обликом студента университета. Как это могло статься? Как вообще мог появиться такой тип студента университета? (Вспомним всю историю студенчества российских университетов!) Между тем автор письма, замечая, что и сейчас его «многоваттная аппаратура поет во всю свою мощь», продолжает: «Это музыка нового поколения! Музыка будущего! В ней не обращают никакого внимания на смысл слов. Плевать мы хотели на него! В музыке будущего главное — ритм и еще раз ритм. Песня должна петься с надрывом, на грани истерики — это и есть кайф!.. История идет вперед. Прогресс необратим... Новая волна — во всем. А вы — с вашей убогой

Владимир ЛАЗАРЕВ,  
Евгений ОСЕТРОВ

# И ЖИЗНЬ, И ЧУВСТВО, И ГАРМОНИЯ

В начале этого года «Смена» (№ 4, 1984 г.) опубликовала диалог критика Евгения Осетрова и поэта Владимира Лазарева «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?», в котором авторы затронули ряд важных проблем, касающихся состояния современной песни. Диалог вызвал широкий читательский отклик.

Подводя итоги дискуссии, мы вновь предоставляем слово авторам, начавшим разговор. Несколько слов о них. Евгению Осетрову, писателю широкого диапазона, принадлежат книги «Познание России», «Мир Игоревой песни», роман-исследование «Три жизни Карамзина», «Книги о русской поэзии», «Человек-песня» (о М. В. Исаковском)... Владимир Лазарев — поэт и прозаик, автор книг «Не спят березы», «Брат милосердия», «Тулские истории», «Сокровенная жизнь», «Уроки Василия Жуковского», статей по истории отечественной культуры. Его стихи, положенные на музыку, стали известными песнями: «Как не любить мне эту землю», «Березы», «Мой белый город», «Мне приснился шум дождя», «Не остуди свое сердце, сынок», «Шум берез слышу»...

тера проблемы так или иначе были затронуты в ряде других журналов и газет.

Как и следовало ожидать — почти дискуссия была далеко не однозначной — с полярно противоположными оценками одного и того же явления. Но эта противоположность высказываний — что очень важно! — не определилась разностью возраста пишущих. (К слову сказать, и авторы диалога относятся к людям разных поколений.) Не прочертилась резкая граница между отцами и детьми, между старшими и младшими братьями, между юностью и зрелостью, хотя в письмах некоторых молодых читателей — и надо сказать, со всей прямотой — прозвучал неправомерный мотив полной изоляции их «молодого мира музыки» от музыки даже тридцатилетних, не говоря уже о более старших людях. Причем подчас декларируется изоляция этого «молодого мира» и от классических образцов — как серьезной, так и легкой музыки, без разбору.

Понимают ли авторы такого рода утверждений, что они как бы помещают себя в изолированное пространство, в своеобразную комнату кривых зеркал, зачарованным ликом собственной физической молодости (от 17 до 20 лет)? А дальше что? Разве время стоит на месте? Не уснут они оглянуться, и их самих запишут в «старички» представители новой «новой волны». И придется стоять в растерянности перед жизнью — точно в коротких штанишках — тем, кто сознательно или неосознанно выделяет свою молодость из общей цепи времен. Люди, умудренные житейским опытом, как раз могут отнестись снисходительно к молодым амбициям. Но само движение времени неисходно не знает.

Серьезной озабоченностью о судьбах входящего в жизнь поколения проникнуты иные письма, поступившие в редакцию «Смены» в связи с нашим выступлением. Останавливает внимание, например, письмо Нины Григорьевны Легковой из города Реутово Московской области. Она пишет не только о необходимо-

хочешь воспитать. Нетерпение, раздражение, волевое запретительство в таком внутрисемейном, если хотите, интимном деле не помощники. Академик Д. С. Лихачев в одной своей статье, говоря о «непрерывном проведении принципа общения между собой всех членов семьи: и малых, и взрослых, и старых», справедливо заметил: «...Хорошо было бы возродить стародавнюю традицию совместного чтения вслух. Тут дело не в информации, которой у нас сегодня и без того предостаточно. Важно соприсхождение душ членов семьи и непременно в «разновозрастном составе». И сразу же в связи с этим возникает проблема очень «строгого режима» для веселых и весьма активного нашего «члена семьи» — телевизора, весьма притом говорливого, но глухого «члена семьи», который для многих, увы, стал чуть ли не основным средством познания мира». Далее ученый указывает на развитие лености мысли, на возникновение тяжелых нагрузок на нервную систему при неумеренном пользовании телевизором.

В еще большей степени это относится, по мнению специалистов, к «громоздящему» реву магнитофонов. Действие такого звукового напора — доказано — влияет разрушительно на нервно-сосудистую систему на работу сердца, а у молодых людей в первую очередь разрушает способность к сосредоточенности: к учебе не только в конкретном, но и в самом широком смысле — способность к восприятию нового.

Характерно, что именно такой звуковой напор заглушает и связь слов, и мелодический рисунок, делает их вовсе не нормальными, приводит к распаду. Но ведь в таком случае происходит не только распад песни, но и в конечном итоге духовный и физический распад самого человеческого организма, достаточно долго находящегося под воздействием грубо ритмизированного, оглушительного, как бы остроугольного шума. Вряд ли неумеренные потребители такой «музыки» жаждут саморазрушения. Сразу это бывает

классикой, жалкими Моцартом, Пушкиным — прочь с дороги!»

Можно себе представить, какое будущее ожидало бы человечество, если бы оно осуществилось по воле этого молодого человека и ему подобных. Что же касается «новой волны», от «лица» которой выступает Андрей М., то, как известно, опасной «детской болезнью» — сбрасывать классиков «с борта современности» — болели футуристы в начале века, наивно полагая, что они выражают историю, «идущую вперед». В 60-х годах так называемая «новая волна» захватила определенную часть молодежи на Западе и, наконец, через двадцать лет докатилась до Андрея М., завладев, судя по его признанию, всеми его чувствами и мыслями. Так что волна эта далеко не «новая», не следует обольщаться.

Однако же какие-то взаимоотношения между низкопробными вкусами музыкальных «потребителей» — скажем, той же «новой волны» (условно) — и некоторыми ловкими «профессионалами», готовыми потрафлять любым дурным вкусом ради одной только коммерческой выгоды, безусловно, существуют. Не это ли в какой-то мере повлияло и на появление музыкальной и словесной неоригинальности, безликости, какой-то глобальной мелодической цитатности в подавляющем большинстве новоявленных песен? А появление всего этого неоригинального, пошлого на многочисленных эстрадах, звучание с теле- и киноэкрана придает иной раз и неоригинальному кажущуюся значимость и даже привлекательность (особенно при многократном повторении) в сознании неискушенного слушателя.

Печально, что при этом «маскульт» получает как бы высокий статус. Выдвигает своих «авторов», не имеющих, по существу, никакого отношения ни к музыке, ни к литературе. Между тем слово, передаваемое средствами массовой информации, как и слово печатное, обладает своеобразной магией, которой человек, воспринимающий его подчас простодушно, поддается. В этом смысле в оценке многих получивших распространение разнообразных явлений современной эстрадной музыки, повторяем, иной раз сходятся люди разных возрастов. (Например, в некоторых письмах, принадлежащих к молодым и немолодым людям, прозвучал следующий мотив: «Надо сначала узнать то, что пользуется спросом», «Вы критикуете, а на это — спрос!», «Зачем мешать тому, что пользуется спросом?».) И подчас резко расходятся сверстники, обладающие разными вкусами, устремлениями, культурой чувств, наконец. Здесь нет возрастного единообразия, что принципиально важно.

И это еще раз подтверждает мысль, что музыкальные пристрастия и вкусы (как, впрочем, вообще художественный вкус, чувство прекрасного, чувство гармоничности и дисгармоничности...) не определяются одной биологической разницей в возрасте, как уверяют иные молодые, «болеющие» «тяжелым роком» и т. д. Ущербность искусства, определяемого лишь биологическими границами, не может вызвать

сомнения ни у одного здравомыслящего человека, к какому бы поколению он ни относился. При здравомыслии, при уважении к культурным традициям, естественно, возможны разногласия, спор. Так Виктор В. из г. Бендеры Молдавской ССР, отмечая, что дискуссия «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?» для него «одна из самых интересных рубрик за этот год», одновременно не во всем соглашается с авторами диалога. И не только с нами, но и с писателем Виктором Астафьевым, который вместе с рядом красноярских деятелей литературы и искусства выступил в свое время в «Комсомольской правде» с критикой рок-группы «Машина времени». Виктор В. — поклонник этого коллектива и в спокойных тонах пытается доказать правомерность его популярности в молодежной среде...

Дискуссия есть дискуссия. Она в определенном смысле зеркало, отражающее то, что происходит в реальности, и не может отменить какое-нибудь объективно существующее явление, заменить его другим. Но с тем, что определяющим критерием ценности произведений массовых жанров является прежде всего то, что «пользуется спросом», согласиться никак нельзя. Даже если идет речь о так называемом развлекательном искусстве. Сознание, в котором ценность музыки тождественна «спросу», то есть, по существу, объединяет ее с «ходким товаром» (а любовь к современному искусству — с любовью к «ходкому товару»), — такое сознание глубоко порочно и столь низменно, что попросту находится за пределами любой сколько-нибудь достойной журнальной дискуссии.

Заметим, что сознание, объединяющее искусство с «ходким товаром», вовсе не плод новейшего времени. Напротив, оно имеет давнюю историю. К примеру, в сороковых годах девятнадцатого века великий немецкий композитор Рихард Вагнер (причем молодой Вагнер!) в статье «Парижские увеселения» нарисовал весьма выразительный сатирический образ одного из жрецов увеселительного искусства, который «спешит от одного гостя к другому, улавливает запросы каждого из них с ловкостью ресторанного гарсона, мгновенно подает желаемое и скромно берет пустяковые чаевые, предоставляемые ему в виде набегаящих колоссальных тантьем», то есть дополнительных доходов-вознаграждений.

Как видим, издавна (и по сей день!) искусство, ставшее «ходким товаром», небескорыстно в своих устремлениях. Это далеко не всегда известно потребителям такого «музыкального искусства-товара», но очень хорошо известно его ловким поставщикам. Самая резкая граница, по нашему глубокому убеждению, проходит именно здесь, между приятием и неприятием такого «искусства» (и дело вовсе не в том, какие формы у него — современные или несовременные), а не между чисто биологическим восприятием искусства разными поколениями.

Хочется остановиться на том, что некоторые читатели (судя по их откликам) не вполне внимательно

отнеслись к жанру нашего первоначального выступления — а именно к диалогу, который является особой формой высказывания и предполагает более свободное движение мысли, чем, например, статья. Отсюда и охват изучаемых вопросов может быть более широким, могут быть затронуты и смежные проблемы и т. д. Может быть, в силу этих причин кое-кому из читателей показалось, что мы призываем всех обращаться только к фольклору, только к народному хору... Один из читателей даже усмотрел в нашей беседе призыв «вернуться к музыке древнерусских композиторов». Ничего подобного в тексте нашего диалога нет. Другое дело сбережение и развитие плодотворных культурных традиций, речь об их непрерывности, памяти о национальных началах и образах... Об этом разговор шел. Это мы готовы повторить еще и еще раз. И, разумеется, хоровое искусство не только позади (наивно предствление некоторых молодых людей, что оно безнадежно устарело), но и в дне нынешнем, и впереди, потому что это искусство отобрано временем: оно высокое и вечное. В нем звучит Память.

Если говорить серьезно, то без опоры на Память, без широкого круга знаний невозможен разговор и о так называемой современной «молодежной музыке», которую мы вовсе не отрицали. Мы выступали и выступаем лишь против ее агрессивно-уродливых форм.

Многие читатели поддерживают мысль о необходимости обращения к широкому кругу знаний в разговоре о современной песне. Это не может не радовать. В самом деле, есть ли ценность в категоричных высказываниях некоторых людей о современном песенном процессе в том случае, когда основным источником их знаний являются всего лишь телевидение и эстрада? Могут ли они при этом выработать сколько-нибудь независимое собственное мнение хотя бы по этому вопросу? Между прочим, среди писем, ратующих за культуру в разговоре о песне, одно вышло по меньшей мере недоумение. Его автор — выпускница МГУ, ныне преподаватель политэкономии С. И. Б. (Письмо подписано полным именем и фамилией; в данном случае мы сознательно прибегли к инициалам.) Автор относит себя к числу людей «много читающих» и, однако, находит для себя «философский» интерес в эстрадных сочинениях типа «Дежурный ангел». Одновременно с этим по поводу имен известного русского композитора и теоретика музыки Н. К. Метнера и выдающегося деятеля музыкальной культуры А. В. Свешникова (мы ссылались на них в своем диалоге) С. И. Б. иронически вопрошает: «Кто это?» Ну не курьез ли!

Иные читатели спрашивают, почему, ведя разговор о современной песне, мы переходим подчас на некоторые общие проблемы современной культуры и тем самым как бы отвлекаемся от основного вопроса. Потому и переходим, что массовая песня (как и любое подобное рода явление искусства) не может считаться изолированным явлением. Не потому ли и акаде-

# ЗВУКОВЫЕ КОЛМАЖИ

## «АВТОГРАФ»



Четыре года назад были названы лауреаты первого Всесоюзного фестиваля популярной музыки «Весенние ритмы. Тбилиси-80». Среди тех, кого отметило жюри, возглавляемое композитором Юрием Саульским, оказалась и московская самодеятельная группа «Автограф».

Второе место в Тбилиси стало своего рода началом биографии коллектива, если учесть тот факт, что музыканты впервые собрались вместе всего за полгода до фестиваля. В сравнительно небольшой срок произошло становление «Автографа» — и вот сейчас они уже серьезные профессионалы, их выступления с успехом проходят во многих городах страны. Коллектив знают в Болгарии, ГДР, Венгрии...

«Автограф» — это явление. Не часто встречаются в наше время ансамбли, способные соединить национальные музыкальные традиции с жесткими ритмами рок-музыки», — писали венгерские газеты после концертов в Будапеште. Можно добавить, что в основе успеха ансамбля — рожденные в самом коллективе композиции, составляющие основу репертуара.

— Мы идем по пути создания сложных произведений, неразрывно связанных с образным поэтическим словом, — говорит музыкальный руководитель «Автографа» Александр Ситко-

вещкий. — Наши концерты в первую очередь для тех, кто приходит на них не развлекаться, а размышлять.

...Любой концерт ансамбля не только музыка, но и оригинальная световая партитура. Используются все новейшие технические средства, вплоть до лазеров. При этом независимо от громкости звука слышна каждая нота, каждый гитарный аккорд. Сложнейшая полифония пьес «Пристегните ремни безопасности», «Ливень», «Корабль», «Марсианские хроники» полна бессмысленной какофонии, исполненной на децибельном пределе.

— Проще простого оглушить слушателя, современная аппаратура позволяет это делать, — считает Александр Ситковещкий. — Тому же, кто видит в подобном подходе к рок-музыке смысл, надо уйти со сцены, и чем раньше, тем лучше.

Стихи большинства песен «Автографа» написаны молодыми московскими поэтами Маргаритой Пушкиной и Борисом Баркасом. Стихи о всепобеждающей любви, о месте человека на земле, о том, как важно беречь дорогое — мир. К числу наиболее сложных композиций из своего репертуара музыканты относят переложение симфонической пьесы Георгия Свиридова «Время, вперед!». Решение взяться за нее — шаг определенно смелый. С блеском исполнить произведение советской классики позволяет высокое исполнительское мастерство солистов и музыкантов ансамбля. Окончил консерваторию Леонид Макаревич (клавишные), учится в ней Леонид Гуткин (гитара-бас), училище при консерватории заканчивал Виктор Михалин (ударные), а в Гнесинском училище получают образо-

мик Д. С. Лихачев, даже говоря о глобальных проблемах духовной культуры, не упускает из поля зрения и песню, ее бытование в современном обществе? Мало того, рассматривая «огромную сферу, охватывающую гуманистическую сущность общества», он призывает «взыскательнее, жестче подходить к продукции создателей расхожих шлягеров».

Казалось бы, какое дело ученому с мировым именем до эстетики расхожего шлягера, а вернее, антиэстетики? Но нет, он верно чувствует опасность этих якобы безобидных «сочинений». Распространение их в общественном климате, в самом воздухе нашего бытия, безусловно, представляет определенную опасность для духовного здоровья людей, особенно молодых. Эпидемии опасны в сфере духовного не менее, чем в сфере физического существования. Мы ведь видели, что иной раз молодые люди, получившие даже высшее гуманитарное образование, обращаются в наше время к некоторым модным песням, связанным с личностью любимого эстрадного певца или певицы, как к некоему источнику знаний, видят порой в этих безвкусных, расхожих поделках «свое осмысление вечных идей».

Такое заблуждение некоторых молодых умов вызывает грустное чувство тревоги за них. Преодолеть это заблуждение можно лишь поднятием общего уровня собственной культуры, неустанным самообразованием, обращением к классике, к животворному, нестареющему искусству, к источникам подлинного знания. В процессе просветительства важно не только глубоко осмысленное, выверенное, исполненное чувства слово учителя, мастера, просветителя, но и желание ученика постичь истину, чтобы уметь отделить подлинное от ложного, живое от мертвого. Только совместные усилия могут дать положительный результат. Нельзя не верить в духовный потенциал нашего общества, молодых поколений в частности. Заинтересованность самого разговора, состоявшегося на страницах «Смены», внушает в этом смысле надежду. Может быть, стоило бы провести такого рода открытый серьезный разговор не только на страницах печати, но и во дворцах культуры, институтах, школах?... Формы общественного разговора на волнующую тему могут быть весьма многообразными, как и сами формы искусства. Мы же остаемся уверенными, что, несмотря ни на какие поветрия, осмысленное слово, образ, мелодический рисунок в песне не могут быть разрушены. Именно это не стареет во времени и переходит от поколения к поколению. А многие сиюминутные «выверты» ко всему прочему быстро тускнеют, уступают место следующим. Такова судьба «музыки момента». И последующие поколения, как правило, относятся к ней с усмешкой, недоумевая: «Как это вообще могло нравиться?»

Искреннее слово, окрыленное неповторимой, прекрасной мелодией, всегда будет притягивать и радовать человеческое сердце, делать его добрее, отзывчивее.

вание вокалист Артур Михеев и сам руководитель Александр Ситковецкий.

Ясная гражданская позиция — вот что особенно важно в нынешнее тревожное время. Вместе со всеми честными художниками музыканты «Автографа» вносят свой вклад в дело мира. Два года назад ансамбль был среди участников Марша мира, колонны которого прошли по проспектам и улицам Москвы. «Автограф» — неизменный участник концертов, сбор от которых перечисляется в Советский фонд мира.

Будущим летом в Москву съедутся представители прогрессивной молодежи планеты на свой фестиваль. Их ждет насыщенная культурная программа, в которой примут участие ведущие музыкальные коллективы страны. Начал подготовку к фестивалю и «Автограф», не так давно удостоенный звания лауреата VII Всесоюзного конкурса артистов эстрады.

— Программа наших фестивальных выступлений будет целиком посвящена теме разоружения и мира, — рассказал музыкальный руководитель группы. — Уже написаны несколько композиций на стихи Маргариты Пушкиной. Некоторые из них мы исполним на традиционном ежегодном фестивале «Песня в борьбе за мир», который состоится зимой в столице Германской Демократической Республики.

Однако дорога, по которой идут музыканты из «Автографа», не усыяна только розами. И заслуженный успех, которым коллектив по праву гордится сегодня, не счастливая случайность. Слагаемые успеха — дружба и трудолюбие.

Владимир МИШИН

**В** 10.45 мой рапорт пополнился новой строчкой:

«По дороге в магазин слезки не обнаружил».

Продуктов я набрал с запасом, сколько влезло в сумку, а под занавес купил бутылку шампанского и две банки консервированных ананасов — очень уж красивая на них была этикетка.

11.10. На обратном пути слезки не обнаружил. Вернувшись, я разбудил Нину.

Завтракали мы часом позже, но этот факт я в отчете не отразил.

12.45. По дороге на городской пляж слезки не обнаружил.

К двум часам я начал подумывать, не бросить ли мне свою затею с рапортом. После очередного заплыва мы с Ниной лежали на горячей гальке у самого моря и обсыхали, подставив солнцу мокрые спины. Народа на пляже было негусто.

Справа к молу то и дело приставали прогулочные катера, и тогда оттуда доносился усиленный мегафоном голос, объявлявший время отправления и остановки в пути следования. Среди других остановок назывался и санаторий имени Буденного. Катера в том направлении шли с интервалами в сорок минут.

Мы пропустили уже два рейса, а несколько минут назад от причала отвалил еще один катер, взявший курс на санаторий.

«Поедем следующим», — решил я, глядя на ныряющих с мола пляжников.

Мое внимание привлек парень в ярко-красных купальных трусах. Он прыгал почти без разбега и находился под водой особенно долго. Это был ловец раланов.

— Интересно, сколько можно продержаться под водой? — спросил я после особенно затяжного прыжка.

Николай  
ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

# ИГРАЕМ В СПРЯИЖТ

— Не знаю. Минуты две, наверно. — Нина возилась с камешками, которые мы перед этим собрали на берегу.

— А вон тот парень пробыл три с половиной минуты... — Я запнулся, потому что в голове вдруг мелькнула догадка, верней, не догадка, а тень догадки, настолько она была странной и неожиданной. Я не сводил взгляда с ныряльщика, и с каждой секундой моя идея казалась все менее странной. Она в корне меняла представление о случившемся, но как раз по этой причине я не хотел торопиться с выводами. Подтвердить или опровергнуть мою идею мог лишь один человек. Чтобы с ним увидеться, надо было ехать в санаторий.

— Хочешь мне помочь? — спросил я.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — сказала Нина без колебаний.

— Нужно, чтобы ты прослушала одну запись. Только не сейчас и не здесь. И еще: через полчаса отходит катер. Мы сядем на него. Это самая обычная морская прогулка. Учти, нам безразлично, куда идет судно и где оно делает остановки.

— Ты хочешь, чтобы поездка выглядела как бы случайной? — Нина улыбнулась чуть грустновато. — Будет исполнено, товарищ капитан.

Она угадала мое желание, но ошиблась в звании — до капитана мне было еще очень далеко.

Корабль назывался «Ассоль».

Мы сели в числе первых пассажиров и сразу поднялись на верхнюю палубу, облюбовав место у спасательной шлюпки.

Отсюда открывался прекрасный вид на набережную, а мол с билетной кассой и трапом был как на ладони.

Долго ждать не пришлось. Вскоре у питьевого фонтанчика появился Тофик.

14.43. При посадке на катер обнаружил «хвост». Слежку ведет Т. Шамамедов.

Купив билет, он долго ошивался около кассы и

прошел на корабль, затесавшись в толпу туристов, из чего я заключил, что распределение ролей осталось прежним и что прятаться нужно не нам, а ему. Это намного облегчало задачу.

Постепенно поток пассажиров пошел на убыль. Заиграла музыка. Мы спустились вниз и пробрались на корму, где незадолго до отплытия начались танцы.

Я не искал Тофика, и он, надо отдать ему должное, не попался нам на глаза.

Санаторий был второй по счету остановкой. По расписанию мы прибывали туда в 15.45.

К этому времени веселье на корме достигло апогея. Поддавшись общему настроению, мы тоже танцевали, причем увлеклись настолько, что чуть не пропустили остановку.

Пришло время двигаться к выходу. Делать это следовало с умом, чтобы не вызвать у Тофика подозрений.

Сперва мы заглянули в бар, потом прогулялись вдоль салона и остановились поблизости от дверцы, через которую должна была производиться посадка.

Над водой в поисках провианта носились чайки. Розовые, белые, с янтарным отливом, они подлетали так близко, что были видны их черные бусинки глаз. Мы успели скормить им полпачки печенья. Другую половину съели сами.

Тофик забрался наверх и укрылся за спасательной шлюпкой прямо над нашими головами. Заметил я его чисто случайно: Нина вытащила зеркальце, и на его поверхности на миг отразилась желтая майка с зеленым кантом по рукавам — второй такой на судне не было.

«Ассоль» сбавила обороты. Описав плавную дугу, она приближалась к причальной стенке. Мягкий толчок, и на берег полетели канаты. Выдвинули трап. Началась высадка.

Здесь выходили человек шесть-семь. Когда вахтенный взялся за поручни, я пропустил Нину вперед и следом за ней быстро сошел на пристань.

За спиной лягнули дверцы. «Ассоль» отвалила от причала. Полоска воды все увеличивалась, отдаляя нас от владельца желтой майки с зеленым кантом по рукавам. Кстати, его на верхней палубе уже не было — очевидно, бежал вниз, кроя меня на чем свет стоит, но это было его личное дело.

Мой отчет украсила следующая пометка:

15.52. Ушли от наблюдения.

Санаторий стоял на пригорке. Вероятно, когда-то его территория была обнесена забором, от которого с той поры осталось несколько литых чугунных ячеек по обе стороны от входа.

Мы поднялись к трехэтажному зданию, где, судя по вывеске, помещались администрация и процедурные кабинеты.

— Вы не подскажете, в каком корпусе искать отдыхающего Пасечника? — спросил я у строгой усатой женщины, сидевшей под табличкой «Дежурный регистратор».

— Зачем он вам?

Я растерялся.

— А разве это имеет значение?

— Имеет, — отрезала она, выразительно покосившись на мою сумку. — Здесь лечебное заведение, и я обязана оберегать покой своих больных.

Вот, значит, куда подевались недостающие ячейки от забора!

— Видите ли, он мой дядя. Мы с сестрой отдыхаем тут неподалеку и хотим с ним повидаться. Если он узнает, что мы были тут и не зашли поведать, у него откроется язва, а то и еще что похуже. Так уже было однажды, в прошлом году. Его еле откачали...

Она смерила холодным взглядом сначала меня, потом Нину, но журнал все-таки открыла, полистала свой гроссбух.

— Вы опоздали, — сказала она бесстрастно. — Пасечник Валерий Федорович закончил курс лечения и первого октября выехал по месту жительства.

Ниточка, с помощью которой я надеялся проверить свою идею с ныряльщиком, оборвалась. Правда, оставалась еще одна.

Окончание. Начало в №№ 17—23.

— Скажите, а Аксенова Ирина Николаевна, она еще у вас?

— Это тоже ваша родственница?— ядовито осведомилась дежурная.

Трудно сказать, что ею руководило: бдительность или небольшая мания величия, не исключено, что и то и другое вместе.

— Вы угадали, она моя тетя. Если нужны доказательства, я предъявлю их вашему главному врачу. Где он у вас помещается?

Дежурная пошевелила усами, но, пересилив себя, зашелестела страницами.

— Аксенова выехала позавчера.

И вторая ниточка оборвалась.

Я тянул с поездкой, потому что внутренне не был готов к встрече с последними свидетелями, видевшими Кузнецова живым, и вот теперь, когда один-единственный вопрос мог разрешить все сомнения, мне некому было его задать.

3

Всю дорогу до пристани я думал о ловце рапановых раковин. Идея, которую он мне подсказал, нуждалась в проверке. Я почти не сомневался, что Пасечник, застань мы его на месте, подтвердил бы мою догадку, но он уехал. Значит, надо было искать другой способ проверки. И я его нашел. В первый момент он показался чересчур жестоким по отношению к Нине, но много выхода у меня не было...

Через час с четвертью мы были у цели.

Я помнил эту местность по фотографиям, только в натуре она выглядела еще пустыней. Действительно дикий пляж, другого названия не подберешь. Два недостроенных волнореза, кучи нанесенных штормом водорослей, покосившаяся кабинка раздевалки. Даже море здесь было другим, более первобытным, что ли. Покрытое мелкой рябью, сейчас оно не радовало и не влекло, как прежде, а скорей пугало, будто было живым существом, неприступным, холодным, готовым защищать свою тайну. Мы остановились у гладко отполированной коряги. На этом месте семнадцать дней назад нашли личные вещи Сергея.

— Уйдем отсюда,— сказала Нина. Наверно, ей передалось мое состояние.

— Ты забыла про запись,— напомнил я, стягивая с себя рубашку.— Сейчас окупнусь, послушаем пленку и...— Я отвернулся, чтобы не видеть выражения ее глаз, и с разбега бросился в воду.

Нина стояла на берегу. Она, не отрываясь, смотрела в мою сторону. Я не различал ее лица, но чудилось, что она смотрит с тревогой и осуждением.

Меня вдруг неудержимо потянуло назад. «Для чего ты это затеял?— ломаю традицию, спросил я у своего двойника.— Для чего стараешься? Для дела? Но оно практически закончено. Для себя? Для Нины? Но даже в случае удачи это не принесет облегчения ни тебе, ни ей. Ты любишь и любишь, разве этого мало? Вернись, чего тебе не хватает?»

Он молчал.

Я вскинул руки, набрал полные легкие воздуха и нырнул в зеленую, пронизанную солнцем толщу воды.

Ловец рапанов держал дыхание три с половиной минуты. Это наверняка не предел, но требует тренировки и опыта. У меня его не было, поэтому я решил сэкономить на скорости и что есть мочи припустил к волнорезу.

Вскоре появился легкий звон в ушах и стало давить в виски.

До волнореза было метров двадцать пять, больше половины этого расстояния осталось позади. Если я рассчитал правильно, в момент, когда поднимусь на поверхность, Нина будет плыть мне на выручку. Сейчас она находилась в положении Пасечника, точка-в-точку. Условия были те же самые...

На исходе второй минуты я начал задыхаться. Боль в висках сделалась невыносимой, еще секунда, и в легкие, заполняя пустоту, хлынула бы морская вода, но тут, словно в награду за муки, ладони уперлись в покрытую мхом поверхность.

Нины на берегу не было. Рассекая воду, она мчалась к тому месту, где видела меня в последний раз.

Я хотел закричать, но из горла вырвался хриплый клекот. Кое-как я вскарабкался на скользкий от слизи бетон волнореза и замахал руками.

18.10. На диком пляже близ санатория имени Буденного мною воспроизведены обстоятельства, при которых была найдена одежда Кузнецова С. В.

Считаю, что вечером семнадцатого сентября погибший на пляже вообще не находился. Дело, по всей видимости, происходило так: после совершения ограбления преступник (сообщник Кузнецова) увез его с места преступления, затем убил и привез вещи на пляж с целью инсценировать несчастный случай. Не исключено, что вещи подброшены еще шестнадцатого, а спустя сутки отдыхающий санатория Пасечник В. Ф. со своей спутницей наткнулся на сложенную у берега одежду, увидел человека, барахтавшегося в воде, и в темноте (21 час) принял его за утопающего, в то время как это был ныряльщик, оказавшийся в этом районе пляжа.

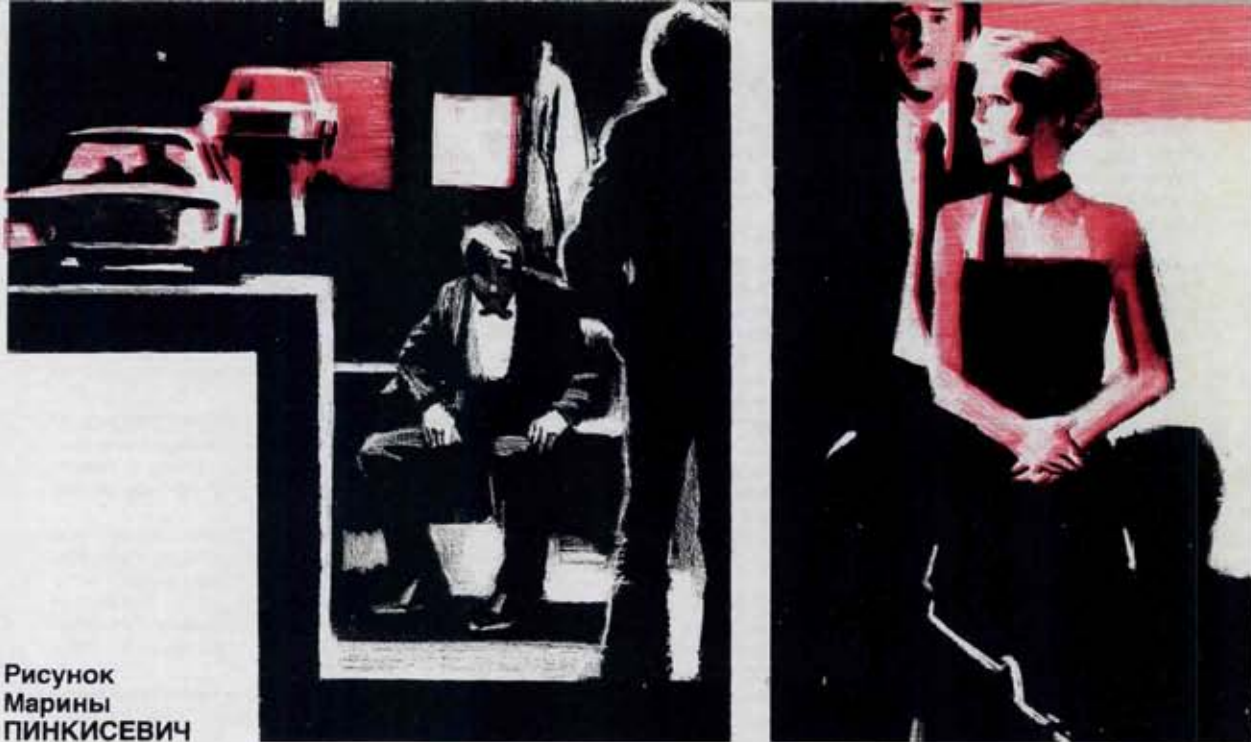


Рисунок  
Марины  
ПИНКИСЕВИЧ

— Ты хотел, чтобы я послушала какую-то запись,— сказала Нина, когда мы вернулись на берег и сели. Не знаю, что подумала она о моей выходке. Похоже, поверила, что я просто не рассчитал сил и едва не пострадал от собственной неосторожности.

Откровенно говоря, у меня пропало желание крутить пленку. Не напомни о ней Нина, я бы, пожалуй, отказался от своей затеи.

Я вытащил магнитофон, положил его рядом с собой и включил воспроизведение.

Из динамика вырвалось стремительное аллегро из «Опасной игры» Алексея Козлова. От форсированного звука электросаксофона отдавало металлом.

Наконец музыка оборвалась. Раздался щелчок и сразу за ним голос Кузнецова: «Посмотри, я правильно поставил на паузу?»

Остальное было мне известно. Я слушал вполуха, попутно вспоминая три пункта, которые вывел ночью.

Пункт первый: Кузнецов встречался с барменом 13 сентября.

Пункт второй: он пытался занять деньги.

Пункт третий: бармен склонял Сергея принять предложение Стаса.

К ним стоило добавить четвертый и, быть может, наиболее существенный: Кузнецов просил занять деньги не тринадцатого, а раньше — тринадцатого он только напомнил о своей просьбе.

Коли так, выходит, Витек мог быть не первым и уж наверняка не последним, к кому он обращался с подобной просьбой. Причем обращался лишь к самым близким друзьям, к тем, кому мог откровенно, без утайки, рассказать и о долге, и о Стасе, и о плане, в котором ему предназначалась роль козла отпущения.

Пойдем дальше.

До тринадцатого нужной суммы у него не было. Это точно. Но оставалось еще целых два дня. Именно в эти-то два дня он и встретился с человеком, которому поведал о двери с английским замком, которого попросил занять деньги и который...

Я пропустил момент, когда закончилась запись.

Из магнитофона неслись скрежещущие модуляции синтезатора. Я выключил его и, не вытаскивая кассеты, спрятал в сумку.

Нина сидела, опустив голову. Ее лицо прикрывали мокрые, не просящие от морской воды пряди волос.

— Сергей погиб из-за этого?— спросила она.

— Из-за этого тоже.

С гор пахло ветерком, и стало слышно, как в отдалении шумят сосны.

— Я не знала, что у него был долг.

— Давай собирайся.— Я застегнул рубашку.— Уже поздно.

По дороге впечатление от прослушанной записи немного улеглось, и Нина ответила на мои вопросы.

— Сергей продавал что-нибудь из своих вещей?

— Насколько я знаю, нет.

— Не заводил разговора о деньгах?

— Нет. Мы вообще мало говорили. Это был разрыв.

Жили практически порознь: он в одной комнате, я в другой. Я готовила на двоих, оставляла ему еду, но мы почти не общались.

— Это его устраивало?

— Мы договорились, что я поживу до зимы. К Новому году мне обещали комнату в общежитии. Он это знал.

— Скажи, кто мог занять ему крупную сумму денег?

— Никто,— твердо сказала Нина.

— А у кого он мог просить взаймы?

— Мне кажется, у любого.— Она подумала и доба-

вила:— Может, у своих друзей? Но я уверена, что таких денег ему бы никто не дал.

— Почему?

— Ему нечем было возвращать. В лотерейный выигрыш верил только он один.

— Но сам-то он мог надеяться, что ему займут?

— Это на него похоже...

До центра мы добрались на попутной. Водитель не возражал подбросить нас до самого дома, но я попросил остановиться на привокзальной площади: вспомнил, что мне не в чем идти на концерт. Костюм и приличная пара обуви лежали в камере хранения.

Там, как назло, толпилась очередь, и мы потеряли минут пятнадцать. Потом еще десять, пока ловили машину. К дому подъехали под сигналы точного времени.

— Ничего, попадем на второе отделение,— сказал я, расплачиваясь с водителем.

20.00. Вернулись на Приморскую.

Улица обезлюдела. Из окон гостиницы доносились фанфары, возвещавшие о начале песенного марафона.

Пока мы приводили себя в порядок, телевизор прогрелся, и на экране возникла сцена с двумя ведущими. Шло представление гостей и участников фестиваля.

Нина надела длинное вечернее платье, сделала прическу и даже успела выгладить мне свежую рубашку.

Я тоже переоделся— облачился в костюм, повязал галстук, навел глянец на туфли.

В восемь сорок мы вышли из дома.

Нина сунула было ключ под коврик, но передумала и отдала мне. Оставлять его было не для кого.

Концертный зал «Юбилейный» находился слишком близко, чтобы пользоваться транспортом.

У входа шумела кучка опоздавших. Они осаждали билетершу, которая предусмотрительно спряталась за толстой, запертой на всякий замок решеткой. Шансов попасть в зрительный зал, кажется, не было.

Вскоре за ажурными решетками «Юбилейного» появилась нарядная публика. Закончилось первое отделение.

— Где здесь служебный вход?— спросил я у Нины.

— По-моему, за кассами, с тыльной стороны, а что?

Я снял с руки свой верный хронометр и опустил его во внутренний карман пиджака.

— Пойдем, попробуем прорваться.

Мы пересекли площадь и обошли здание сбоку.

У служебного входа стояло десятка два машин. Несколько таксистов, собравшись в кружок, травили анекдоты. У самой двери, поглядывая в их сторону, прохаживался парень с красной нарукавной повязкой.

— Послушай, друг,— обратился я к нему,— не скажешь, это здесь музыканты, что в фестивале участвуют?

— Ну здесь.

— Ты не вызовешь нам Вадима— флейтиста из оркестра?

— Какого еще флейтиста?

— Юрковского,— подсказала Нина.

— Понимаешь, какая история,— снова вступил я.— Мы с ним на пляже сегодня познакомились, в шахматы играли, а когда он ушел, часы остались, вот эти.— Я вытащил из кармана «Полет».— Ну, мы и хотим отдать. Часы вроде ценные.

Дружинник с видом знатока взглянул на мой «Полет» и согласился:









# НОВОГОДНИЕ МАРКИ

Новый год... Наверное, самый любимый праздник. Добрый и сказочный. И все мы ждем чего-то нового. Новых встреч, радостных событий, удач. По традиции почтовые ведомства многих государств в канун этого праздника выпускают новогодние марки. В Советском Союзе их выпуск был начат в тысяча девятьсот шестьдесят втором году, и с тех пор они пополняют коллекции филателистов ежегодно.



На той, первой марке были изображены голубь мира и новогодняя елка на фоне земного шара. Ведь встречая каждый новый год, мы верим, что он будет мирным для нашей планеты. Перед вами двадцать четыре марки, посвященных Новому году. Они напоминают нам о прошедшем времени: ведь каждый год оставил в нашей памяти что-то свое, неповторимое. И эти марки, как волшебные зеркала, отражают в памяти самые яркие события тех, уже минувших лет. Глядя на них сегодня, на пороге 1985-го, мы, как обычно в предновогодние дни, мысленно оглядываемся на прожитые годы, мечтаем о будущем, загадываем желания. И надеемся, что все они обязательно сойдутся.

Цена номера 35 коп.  
Издательство 703520